

Международный научный форум «Наследие»

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

25-27 октября
2018 г.

Научно-практическая
конференция

**«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ, МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА»**

**НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
НОКЦ "ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ"**

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ НГУ
«НАСЛЕДИЕ»**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КУЛЬТУР СТРАН ВОСТОКА**

СБОРНИК ТЕЗИСОВ

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

25-27 октября 2018 г.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Катрин Пужоль

**профессор Института Восточных языков и цивилизаций, директор ИФЕАК
«ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ УГРОЗЫ РАДИКАЛИЗМА И ТЕРРОРИЗМА НА
РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИСЛАМА В ЕВРОПЕ И В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ, ОБМЕН ОПЫТОМ»**

Усиление угроз и террористических акций в мире, особенно с 11 сентября 2001 года, оказало сильное влияние на развитие гуманитарных наук как в форме, так и в содержание.

Это факт, что оно повлияло на оформление, назначения, суть и финансирование исследований, но также вызвало навязчивый фокусный подход наряду с широким течением оппортунизма, все это питаясь средствами массовой информации. Такое явление произошло путем диверсификации участников экспертизы и создания очень разнообразной палитры учреждений, ассоциаций, аналитических центров, НПО, претендующих на теоретические решения как на практические на правительственном уровне, а также на неправительственном.

Таким образом исследования о радикализации и терроризма сильно повлияли на исследования области социологии, психологии и психоанализа, психиатрии криминологии, права, политологии и вообще в гуманитарных науках в Европе и в США. Там особое внимание было уделено вопросу о современности, в отличие от подхода, используемого в Центральной Азии и в бывшем Советском пространстве. Вопрос современности, с которой сталкивается мусульманский мир на рубеже XXI века, до сих пор был захвачен лишь небольшим количеством исламологов и ученых в области религиозных наук.

Вопрос о безвременности проповеди Корана встречается с вопросом о необходимости возобновить «двери интерпретации», чтобы адаптировать его к настоящему времени. Он определяет линию разрыва между теми, кто выступает за возвращение к оригинальной чистоте Ислама и тем, кто хочет включить его в современности и даже в постмодернизме.

Несмотря на неконсенсуальный подход к определению концепций исламизма, салафизма, радикализации, экстремизма, было сделано много размышлений с 2000-х годов, чтобы понять взаимосвязь между джихадизмом и современностью в той мере в какой исламистский терроризм основан на глубоко антисовременной религиозной базе. Тем более, что это движение, столь противоречащее современности, где хотелось бы вернуть мир на тысячу лет назад, при помощи столь увлекательных средств цифровой технологии.

В этом докладе, будет рассмотрена концепция «множественной современности» С. Н. Эйзенштадта как концептуальный инструмент, используемый для понимания глобализации, особенно отказ от глобализации, как повторяющаяся тема радикальной исламистской идеологии.

В.С. Бойко

д.и.н., доцент, АлтГПУ-АГУ, Барнаул.

В.Н. ПЛАСТУН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, ЭКСПЕРТ, ЖУРНАЛИСТ

В.Н. Пластун, 80-летие которого мы отмечаем в эти октябрьские дни 2018 г., являет собой счастливый пример соединения талантов российской провинции с уникальными возможностями научных традиций российского же центра и периферии, умения преодолевать личные и профессиональные трудности как на войне, так и в мире.

Прошедший солидную жизненную школу и получивший фундаментальное образование историка-востоковеда в МГУ, В.Н. Пластун сформировался, как авангардный, но все же советский исследователь. Поскольку ему пришлось и приходится жить в разные эпохи, это обстоятельство затруднило его идейно-профессиональную трансформацию и методологический инструментарий, хотя прозорливый выбор проблематики исследований

(актуальные проблемы современного Востока, в том числе проблемы религиозно-политического экстремизма и терроризма) и неустанная работа в этом направлении обусловили успех В.Н. Пластуна в зените карьеры. Классическое образование и ассоциированность с ведущими академическими, а также учебно-научными организациями СССР и России открыли ему дорогу к вершинам научного творчества и экспертно-аналитической деятельности, а также практической работы в качестве дипломата, журналиста и преподавателя высшей школы. Он – один из немногих отечественных востоковедов, успешно проявивший себя во всех этих ипостасях – научного сотрудника РАН, советских дипломатических учреждений в Иране и Афганистане, собственного корреспондента газеты «Правда» и, наконец, профессора главного исследовательского университета Сибири – НГУ.

Журналистская карьера В.Н. Пластуна, начавшаяся в газете «Правда» на исходе советской военно-политической миссии в Афганистане в 1989-1991 гг., продолжается в его публицистических и экспертных выступлениях в СМИ.

Сегодня В.Н. Пластун доказывает, что серьезная научно-аналитическая работа по проблемам современного сегодняшнего и завтрашнего Востока ведется и за пределами Москвы, он – соединитель традиций и современных подходов российской школы востоковедения, пример служения профессии и людям.

V.N. Plastun

**D. Sc., Professor of the Department of Oriental Studies, Institute for the Humanities,
Novosibirsk State University, Novosibirsk.**

USA AND TERRORISM IN THE EAST COUNTRIES: HISTORY AND LESSONS

The article analyzes the evolution of transnational terrorism - one of the most serious threats to the world community. At the present stage, terrorism has a rather clearly expressed ethno-confessional character. The most well-known terrorist organizations such as Al-Qaida, were created to solve political problems on an ethnic and religious basis and quickly adapt to changing conditions in geopolitics and economics. Terrorists continue to attempt to overthrow secular and authoritative regimes in a number of Muslim countries, including the Central Asian region, and to introduce a Sharia system of government. Under the influence of the United States' politics in a changing strategic situation, security processes in the Asia-Pacific region are acquiring new character. The traditional "painful" points are being updated - North Korea and Taiwan. The situation is also aggravated in the Central Asian region due to the ongoing war in Afghanistan for 17 years being waged by the USA and its allies. Unfortunately neither the US nor its allies have learned a lesson from the failures of their foreign policy that followed their military operations in Afghanistan, Iraq, Libya and Syria, which caused the explosive growth of terrorism.

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТИКА И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СТРАН ВОСТОКА

В.С.Христофоров.

**Член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, главный научный сотрудник
ИРИ РАН, профессор РГГУ, Москва.**

АФГАНСКАЯ ВОЙНА (1979-1989) В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ УРОКИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ.

Афганская проблематика долгие годы находится в фокусе внимания специалистов – дипломатов-международников, востоковедов, историков, политологов, однако в настоящий момент мы наблюдаем повышенный интерес к прошлому и настоящему этой страны, так как последние месяцы 2017 – начало 2018 года ознаменовали собой новую фазу противостояния в Афганистане. За этим стоит и новая, а по сути старая, стратегия военного присутствия США в Афганистане и Южной Азии, успешное окончание российской военной операции в Сирии и смещение приоритетов внешней политики крупных держав (Индия, Иран, Китай).

В глобальном смысле ключевые международные игроки преследуют одну цель – борьба с терроризмом и прекращение гражданского конфликта в Афганистане, однако декларируемая и реальная заинтересованность всех сторон в решении этих задач отнюдь не означает консенсуса в средствах и методах их достижения. Актуальная политическая риторика западных элит нередко не учитывает исторический контекст и наличие исторической памяти у народов, живущих вне Западной Европы и США. Например, в публичной риторике США четко отделяют эту войну, начавшуюся как ответ на события 9 сентября 2001 года от советского военного присутствия в Афганистане (1979-1989) и гражданской войны в этой стране в 1989-2001 годы. Лишь отдельные эксперты осторожно упоминают о присутствии стран Запада, Китая и некоторых арабских государства в регионе в период войны 1979-1989 годов.

В связи с этим большое научно-практическое и общественное звучание имеет исторический опыт присутствия России (СССР) в регионе на протяжении XX века, особенно в последней его трети, когда советское руководство переоценило свои возможности влияния на ситуацию в регионе и столкнулось с противодействием объединенных усилий афганской оппозиции и ее западных лоббистов. Данный опыт может быть востребован и с точки зрения борьбы с террористической угрозой, очагом распространения которой остается Афганистан. Российские службы безопасности регулярно арестовывают тех, кто подозревается в сговоре с талибами, а Верховный суд России признал «Талибан» террористической организацией с февраля 2003 года.

Многоплановый и продолжительный опыт советского военно-политического присутствия в Афганистане свидетельствует о следующем.

В глобально-теоретическом плане:

- Любые попытки навязывания народу Афганистана внешнего управления обречены на неудачу. История неоднократно демонстрировала, что эта страна способна стать «могилой империй».

- «Матери всех бомб», снаряды и дополнительные воинские контингенты не прекратят войну в Афганистане. Для решения афганской проблемы должны быть полностью задействованы все механизмы коллективной безопасности, все формы дипломатических усилий. На сегодняшний день хорошо зарекомендовали себя форматы контактной группа «ШОС – Афганистан», ОДКБ, Московские консультации по Афганистану, которые в совокупности стимулируют запуск прямого диалога между правительством Афганистана и представителями групп талибов соответствии с критериями, установленными Советом Безопасности ООН.

Практические рекомендации, связанные с противодействием распространения радикальной идеологии и практики в регионе, по большому счету являются универсальными для всех ареалов, «зараженных» идеями псевдорелигиозного экстремизма. Опыт советского военного присутствия в Афганистане подтверждает следующее:

- Нормализация обстановки непосредственно связана с обретением гражданского согласия и стимулированием социально-экономического Афганистана. В ситуации, когда векторы социальных устремлений местных элит (как следствие, ведомых ими этносоциальных групп) не совпадают, а большинство населения живет за чертой бедности и на средства, полученные от выращивания наркотиков, сложно ожидать нормализации обстановки путем «принуждения к миру».

- Российскому руководству не следует идти на поводу у тех потенциальных лидеров-союзников, которые могут обозначать свою особую заинтересованность в присутствии российских военных сил в регионе. Непосредственного присутствия следует избегать любой ценой, так как оно будет лишь подогревать антироссийские (шире – антизападные) настроения, стимулировать консолидацию на почве радикальных псевдоисламских высказываний и провоцировать новый всплеск террористической активности в Центральной Азии и в Российской Федерации. Эффективными могут быть опосредованные (экономические, гуманитарные) формы влияния на ситуацию.

- Афганская кампания 1979-1989 годов с очевидностью продемонстрировала, что сражение с оппозицией было проиграно не только «мечом», но и «пером», так как ведущей стала идея антисоветского джихада, который афганцы и их западные союзники попытались распространить на пространство среднеазиатских республик СССР, Казахстан и даже продвинулись западнее, в Татарскую и Башкирскую АССР. К подобной информационной атаке советская сторона была явно не готова. В рамках общей стратегии продвижения «мягкой силы» в регионе может иметь эффективность привлечение к переговорному процессу исламских лидеров Российской Федерации, способных предложить афганской стороне информационную, теологическую, организационно-образовательную поддержку. Целью данной поддержки может стать воздействие на подрастающее поколение в русле формирования у афганцев более терпимого взгляда на христиано-исламское взаимодействие и взаимодействие с Россией.

И, наконец, любые активные и пассивные действия России в Афганистане нуждаются в корректном, выстроенном с учетом ошибок советской кампании, информационном сопровождении. В противном случае они не будут служить антитеррористическим целям, а, напротив, сделают Россию заложницей глобальной афганской «игры» и полем новых экстремистских атак.

В.И. Юртаев.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, член Европейского общества иранистов, РУДН, Москва.

ДИПЛОМАТИЯ ИРАНА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Формирование внешней политики Исламской Республики Иран (ИРИ) в период после победы исламской революции (1979-2018 гг.) происходило под влиянием трех основных факторов – исламизации, геополитизации и глобализации. В дипломатии ИРИ это нашло отражение в поиске форматов равного сотрудничества при решении региональных и глобальных проблем. Оказавшись в ситуации международной изоляции, религиозное руководство Ирана взяло курс на решение проблемы безопасности через включение страны в состав регионального объединения, статус члена которого давал бы защиту от внешнего давления и решал бы проблему вхождения Ирана в континентальное сотрудничество. Среди других актуальных направлений во внешней политике ИРИ следует отметить поиск путей расширения отношений со всеми государствами ССАГПЗ,

¹ Работа выполнена при поддержке и в рамках гранта РФФИ №18-014-00027/18 «Место Индии и Ирана в новом региональном порядке в Евразии».

вхождения в регион Центральной Азии, решения Каспийской проблемы. Так сформировалась многосторонняя проблемная дипломатия Ирана, квинтэссенцией которой в начале XXI века стала атомная дипломатия Ирана.

Проведенный анализ показывает, что в ИРИ были реализованы вариативные модели дипломатии, основные характеристики которых задавались положенным в их основание одним или несколькими принципами веры шиитского ислама. Можно предположить, что в логике иранской шиитской теоретической мысли основанием для новой модели дипломатии Исламской Республики Иран стал синтез всех пяти «принципов веры» (тоухид + адл` + нобовват + имапат + ма`ад).

В сфере классической дипломатии значимым инструментом внешней политики ИРИ стала «треугольная дипломатия». Фактически треугольная дипломатия Тегерана складывается в 1990-е годы. Идея создания стратегического треугольника Иран-Китай-Россия впервые была высказана в 1997 году президентом ИРИ А.А. Хашеми-Рафсанджани, решавшем ставшую «традиционной» проблему выхода страны из международной изоляции. Оценивая усилия Тегерана, наблюдатели в 2007 г. сделали предположение о возникающем стратегическом альянсе на Ближнем Востоке по оси Тегеран-Багдад-Дамаск. После прихода к власти исламских сил в Египте в 2011 году ученые недолго обсуждали перспективы египетско-ирано-турецкого треугольника. Во второй декаде XXI века эксперты стали называть новые возможные стратегические треугольники, среди которых – «сирийский» треугольник Иран – Россия – США. Треугольная дипломатия придает динамичность иранской внешней политике, формируя ее стратегическую глубину и необходимую эффективность на региональном уровне, как это демонстрирует опыт взаимоотношений в треугольниках Иран-Россия-Турция, Иран-Россия-Армения и др.

В целом международная изоляция и растущая нестабильность на границах, не соответствовавшая представлениям иранского руководства о величии и безопасности страны, потребности развития, способствовала возникновению нового стратегического направления во внешней политике ИРИ – «треугольной дипломатии», что не имело аналогов в международной практике.

Раванди-Фадаи Л.М.

кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ, старший научный сотрудник ИВ РАН, Москва.

ЭТНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

Иран страна многонациональная, но в конфессиональном отношении он более един, чем в национальном. Более 90 % населения исповедуют ислам. После победы исламской революции и прихода к власти шиитского духовенства в новой иранской конституции сохранились те же принципы взаимоотношений государства с конфессиональными меньшинствами, которые были заложены еще в первой Иранской Конституции, принятой в период Каджаров. Основными религиозными меньшинствами в Иране являются следующие группы: христиане, к которым относятся армяне, ассирийцы, халдеи, русские, грузины и др.; иудеи; зороастрийцы. Наиболее острый период этно-национальных и конфессиональных проблем в области религии, образования и общественной жизни, пришелся на 1981-1983 гг., когда проходили процессы политической исламизации всех сфер жизни общества.

Необходимо отметить, что в XX - XXI вв. среди этих групп не было зарегистрировано ни одного случая восстания, мятежа, бунта против правительства.

В иранском обществе наиболее ассимилированными являются зороастрийцы (50-60 тыс. чел), которые этнически родственны основному населению Ирана, на них приходится большая часть межконфессиональных браков.

Особое место в конфессиональной структуре иранского населения занимают бахаиты (150-300 тыс.чел.), выделившиеся в XIX в. в отдельное течение ислама большинство этнические персы. Они не только не признаны официальной конфессией, но и

подвергаются гонениям и вынуждены скрывать свою принадлежность к бахаи, особенно после того, как их центр переместился в Израиль.

А.С. Сербина

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск МЕСТО ТУРКМЕНИСТАНА В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ОПОП

Фактор растущего Китая исключительно важен для стран Центральной Азии. Его готовность вкладывать значительные средства в экономику центрально-азиатских стран, подталкивает их элиты к более тесному взаимодействию с непростым соседом. Туркменистан интересен Пекину не только как государство, богатое углеводородами, но и как важный транзитный регион. В древности туркменский город Мерв служил так называемыми воротами в Центральную Азию и опорным пунктом Великого Шелкового пути. По инициативе президента Бердымухамедова 2018 г. пройдёт под девизом «Туркменистан – сердце Великого Шелкового пути».

Стоящие перед Туркменистаном стратегические задачи отражены в «Национальной программе социально-экономического развития на 2011-2030 годы». Главная ее цель - опираясь на богатейший природный потенциал, а также финансовые и трудовые ресурсы в короткие сроки добиться выхода страны в ряды государств с высоким уровнем качества жизни, быстроразвивающейся экономикой. Реализацию программы намечено осуществить в три этапа. В частности, на первом этапе (2011-2015 гг.) была запланирована реализация проектов по созданию транспортных коридоров Север-Юг, обеспечивающего выход грузовых потоков из Северной Европы в Персидский залив, и Восток-Запад для транзита грузов из стран Южной и Юго-Восточной Азии и Китая в страны Южной и Центральной Европы[2].

Туркменистан ориентирован на создание единого логистического центра и рационализацию транспортных маршрутов, снижение доли транспортной составляющей в стоимости конечной продукции во внутреннем, транзитном и экспортно-импортном сообщении. Новые транспортные коридоры должны объединить различные виды транспорта, тем самым возродив Великий Шёлковый путь.

В данном контексте внимания заслуживает развитие транзитно-транспортных структур самого Туркменистана, поскольку именно они являются важным условием интеграции страны в мировую экономику. В стране уже реализуются крупные международные и региональные проекты в энергетической и транспортно-коммуникационной сферах. В частности, газопровод Туркменистан–Китай и строящийся транснациональный газопровод Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия.

Газопровод Туркменистан–Китай был построен в соответствии с Генеральным соглашением о сотрудничестве CNPC с Министерством нефтегазовой промышленности Туркмении, которое также предусматривает закупки туркменского газа в объёме до 30 млрд. кубометров в год на 30 лет и совместное освоение месторождений на правом берегу Амударьи.

Важными звеньями международных транспортных коридоров призваны стать железные дороги Казахстан–Туркменистан–Иран и Туркменистан–Афганистан–Таджикистан, аэропорты в Ашхабаде и в веляяхах, скоростные автомагистрали, мосты через Амударью, Международный морской порт Туркменбаши и др.

В 2016 года по маршруту Китай–Казахстан–Туркменистан–Иран стартовал пробный контейнерный поезд (время в пути в два раза меньше по сравнению с морским путем). Новая магистраль даст мощный импульс развитию транспортной, производственной и социальной инфраструктуры Прикаспийского региона. В ноябре 2016 г. введена в строй первая очередь железной дороги Туркменистан–Афганистан–Таджикистан – участок Атамурат – Имамназар (Туркменистан) – Акина (Афганистан). Далее возникли спорные моменты по выбору маршрута и строительству таджикско-афганского участка.

Порт Туркменбаши открывает новые возможности странам региона, не имеющим выхода к морю, для отправки грузов по маршруту Шёлкового пути, привлечению

инвестиций и туристов. Мультиmodalный логистический центр, находящийся здесь, будет осуществлять комплекс услуг по хранению и комбинированной обработке контейнерных грузов, доставленных авиа-, авто- и железнодорожным транспортом, обеспечивая их перегрузку на водный транспорт и обратно.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что Туркменистан превращается в крупный логистический центр Евразии. Так, темпы прироста перевозки грузов в 2017 г. по сравнению с 2016 г. составили: автомобильный транспорт - 1,8 %, трубопроводы - 1,1%, железнодорожный транспорт - 6,7%, воздушный - 21,7%. Грузооборот также вырос на 10,2, 21,4, 6,3 и 16 процентов соответственно [1]. Именно многовариантная модель транспортных потоков способна придать необходимую устойчивость и новую динамику региональному развитию.

В настоящее время Китай и Туркменистан связывают тесные экономические отношения, но всё очевиднее становятся и противоречия обеих сторон. В частности, это выражается в растущей экономической зависимости, в том числе и кредитной, Ашхабада от Пекина, вопросах стоимости голубого топлива, необходимости диверсифицировать туркменскую экономику и экспорт газа. Узкая направленность китайских интересов в Туркменистане не позволяет ему решать ряд социально-политических, экологических проблем и проблем в области безопасности.

К факторам, ограничивающим сотрудничество стран Центральной Азии и Китая, можно отнести внутренние межэтнические противоречия и социальную нестабильность стран Центральной Азии, разногласия и противоречия между ними, заинтересованность в регионе со стороны России, которая рассматривает Центральную Азию в качестве традиционной сферы своего влияния, европейских держав и США.

Библиографический список

1. Основные итоги социально-экономического развития Туркменистана за 2017 год. URL: http://www.stat.gov.tm/netcat_files/69/124/h_328548bdb22029abdd0e64fcd2d394cf

2. Три стратегических шага реформ // Официальный сайт правительства Туркменистана. URL: <http://turkmenistan.gov.tm/?id=2967>

Д.А. Борисов

**Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск.**

ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

К началу второго десятилетия XXI века экономика Узбекистана была одной из самых динамично развивающихся среди стран региона, в которой среднегодовой рост ВВП за первое десятилетие составил почти 7%. Главным драйвером экономического роста стала внешняя торговля, поэтому для сохранения высоких темпов экономического развития высокое значение приобретает решение задач по модернизации торгово-транспортной инфраструктуры для обеспечения конкурентного доступа узбекских товаров на мировой рынок.

В этом контексте макроэкономические интересы и долгосрочные транспортные стратегии Узбекистана совпали с объявленной в 2013 году КНР инициативой ОПОП, где у Узбекистана появляются возможности как привлечения дополнительных инвестиций и льготного кредитования со стороны китайских финансовых институтов (прежде всего Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Фонд Шелкового пути), так и возможность диверсифицировать свою транспортную инфраструктуру, обеспечив большую связанность транспортной системы страны с существующими и планируемыми транспортными коридорами в регионе ЦА.

Однако Узбекистан довольно поздно начал целенаправленное внешнеполитическое движение на встречу китайской инициативе «Один пояс, один путь». Во многом это было инерцией внешнеполитического курса Президента И. Каримова. Поэтому для перезагрузки

и переосмысления внешней политики Узбекистана, требовался новый руководящий состав, который произошел в 2016 году в силу естественных причин.

В 2016 году на выборах Президента Узбекистана победу одерживает Шавкат Мирзиёев. Вопреки опасениям транзит власти в стране прошел без социально-политических и экономических потрясений, что позволило новому узбекскому руководству сфокусироваться на решении задач экономического развития страны. В этом фарватере 7 февраля 2017 года была представлена первая «пятилетка» нового Президента – «Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития страны в 2017—2021 годах» (далее Стратегия). Этот документ имеет подчеркнутые акценты на внутренние проблемы государства, а основные сюжеты выстраиваются вокруг задач интенсификации социально-экономического развития.

Тем не менее можно выделить целые блоки Стратегии, которые совпадают как с китайскими, так и российскими экономическими инициативами в регионе, тем самым фактически выстраиваясь в контекст текущей региональной повестки дня.

Во-первых, приоритеты Стратегии «Совершенствование государственного и общественного строительства» и «Обеспечение верховенства закона и реформирование судебной системы» формируют новую заявку на позиционирование Узбекистана в международном и региональном пространстве, где стратегия является своего рода приглашением для иностранных инвесторов и гарантией эффективного использования вложенных иностранных капиталов.

Во-вторых, приоритет Стратегии «Развитие и либерализация экономики» прямо формирует запрос на развитие внешнеторговых отношений и международной промышленной кооперации.

В-третьих, приоритет стратегии «Развитие социальной сферы» содержит указания на активизацию строительства, в том числе в сфере дорожно-транспортной и инженерно-коммуникационной инфраструктуры, что напрямую соотносится с «Одним поясом, одним путем».

В качестве итога, можно отметить, что новый Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев провозгласил амбициозные планы модернизации и интенсификации экономического развития страны, но выдвинутые внутренние задачи развития узбекской экономики были по многим позициям связаны с внешними факторами, что потребовало пересмотра содержания предыдущего внешнеполитического курса И. Каримова и сформировало потребность в активизации внешней политики и более инициативном встраивании в региональную повестку экономического сотрудничества.

Н.А. Замараева
ИВ РАН, Москва.

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ США В АФГАНИСТАНЕ И ЮЖНОЙ АЗИИ (2017 г.): ИТОГИ В ПРЕДДВЕРИИ САММИТА НАТО

В преддверии саммита НАТО 2018 г. администрация США признала, что теряет свои позиции в Афганистане.

Президент Д.Трамп объявил «Новую стратегию США в Афганистане и Южной Азии» в августе 2017 г. Основной ее посыл – вернуть американские и коалиционные войска в Афганистан² и оказывать давление на геостратегические и геоэкономические процессы

²Американская стратегия в Афганистане и Южной Азии 2017 г. и реакция стран региона

http://civilshos.ru/publication/news_post/amerikanskaya-strategiya-v-afganistane-i-yuzhnoy-azii-2017-g-i-reaktsiya-stran-regiona , http://en.civilshos.ru/news/news_post/the-american-strategy-in-afghanistan-and-south-asia-in-2017-and-the-reaction-of-the-countries-of-the-region 07.09.2017

- Пакистан и американская Стратегия в Афганистане и Южной Азии 2017 г. и реакция стран региона

<https://ru.journal-neo.org/2017/09/10/pakistan-i-amerikanskaya-strategiya-v-afganistane-i-yuzhnoj-azii-2017-g/> , <https://journal-neo.org/2017/09/10/pakistan-and-the-2017-u-s-strategy-in-afghanistan-and-south-asia/>

наравне с региональными державами Индией, Китаем, Россией, Ираном. Трамповская формула урегулирования внутриафганского кризиса проста. Она сводится к созданию условий для постоянного расположения американских баз на территории Афганистана, по крайней мере, на период 2017-2022 /2017—2026 гг. Власти Кабула полностью поддерживают Белый дом, от которого зависит военная, социальная и гуманитарная помощь правительству национального единства (ПНЕ), возглавляемым президентом Афганистана А.Гани.

Основная задача коалиционных войск США/НАТО в рамках Миссии решительной поддержки - минимизировать какие-либо угрозы со стороны вооруженных местных и иностранных группировок. Еще в августе 2017 г. с целью ведения эффективной полномасштабной борьбы главнокомандующий США Д.Трамп предоставил американским войскам широкие полномочия по принятию самостоятельных решений на местах в режиме реального времени. Численность войск составляет 14 тысяч военнослужащих (июль 2018 г.).

Вооруженная афганская оппозиция, основной костяк которой составляет Движение Талибан, настаивает на полном выводе из страны иностранных военнослужащих, считая их оккупационными; а власти Кабула – нелегитимно пришедшими к власти при поддержке американских штыков в том же 2001 г.

Реальность такова в Афганистане в 2018 г., что 2/3 ее территории, включая крупные сельские районы, подконтрольны боевикам; они активизировали военные действия против национальных сил безопасности в последнее время, включая теракты, что и привело к политической нестабильности в стране.

Подводя итоги Новой стратегии США 2017 г. в Афганистане, Конгресс США в июне 2018 г. заявил, что именно с территории Афганистана исходят возрастающие угрозы американским гражданам, национальным интересам Америки и мировому сообществу. Суммарный вызов представляют боевики Движения Талибан (ДТ), а также базирующиеся в стране террористические организации Аль-Каида, другие группировки. Особое беспокойство США вызывает группа Хорасан террористической организации Исламское государство (ИГ), которая резко активизировала темпы и расширила масштабы вооруженных нападений на городские гражданские объекты. Командование Миссией Решительной поддержки признает сокращение числа районов, контролируемых правительством, усиление терроризма, и, как следствие, политическую нестабильность.

Транснациональной угрозе в Афганистане конгресс США противопоставляет новую военную кампанию, которая и остановит эту угрозу. Таким образом, приоритет в решении всех вопросов, включая дипломатические, как в Афганистане, так и в регионе, был отдан командованию коалиционными войсками США. Пост спецпредставителя США в Афганистане и Пакистане был упразднен еще в 2017 г. Комитет Сената США по вооруженным силам 18 июня 2018 г. назначил генерал-майора А.Миллеру семнадцатым командующим коалиционными войсками, Миссией решительной поддержки.

Учитывая, что регион Афганистана и Пакистана представляет «наивысшую концентрацию террористических группировок в мире», а военные операции проводятся с целью политического урегулирования в Афганистане, Комитет Сената по вооруженным силам дал указания генерал-майору А.Миллеру:

- продолжить военные кампании против вооруженной оппозиции;
 - защищать американские войска в Афганистане;
 - укреплять/ наращивать потенциал коалиционных войск США/НАТО (Пентагон не исключает дальнейшее увеличение численности военного контингента);
 - принять участие в диалоге с ДТ совместно с представителями правительства национального единства Афганистана;
 - продолжать обучение афганских сил безопасности с целью самостоятельно защищать свою территорию;
-

-вести борьбу с коррупцией и осуществлять контроль за распределением иностранных финансовых средств между государственными учреждениями Афганистана и т.д.

Конгресс США во время слушаний неоднократно высказывал горькие замечания об *афганской войне*, как о *самой длительной*, финансово самой *затратной*, но главное, самой *безрезультатной военной компании США*. Высказывались мнения, что правительство в Кабуле и национальные силы безопасности должны самостоятельно защищать свою власть. В течение 17 лет антитеррористической кампании США/НАТО в Афганистане Белый дом потратил триллионы долларов.

Еще в оригинальной редакции Новой стратегии США в Афганистане и Южной Азии 2017 г. коалиционным войскам США/НАТО было разрешено применять военную силу против талибов и террористической организации Исламское государство, чтобы они «... не смогли сбить курс властей Афганистана на мирные усилия...». Военные операции в рамках миссии решительной поддержки проводятся. Однако, ни их действия, ни действия афганских сил безопасности неэффективны для восстановления контроля над «утраченными» землями.

В 2017-2018 году администрация Белого дома продолжала активные поиски решения внутриафганского кризиса. Приоритетной целью, как и в прежние годы, было «усадить» талибов за стол переговоров. Но и в этом вопросе Белый дом добился минимального результата – только согласия афганских талибов на прямые переговоры с США, но... без участия правительства национального единства. Эта формула неприемлема для Вашингтона, так как именно переговоры тет-а-тет с правительством национального единства означают, по версии США, признание талибами законности ПНЕ, Конституции Афганистана и, как результат, отказ боевиков от вооруженной борьбы.

Вину за «пробуксовку» диалога с боевиками, Госдеп в 2018 г. вновь возложил на Пакистан. Исламабад обвиняют в укрывательстве афганских талибов на своей территории, созданию условий для проживания их лидеров с семьями. В официальных американо-пакистанских переговорах Вашингтон настаивает, чтобы Исламабад «сделать больше», т.е. прекратил оказывать помощь командирам афганских вооруженных группировок, «укрывать» лидеров боевиков и убедить их сесть за стол переговоров с властями Кабула.

В июне с.г. президент А.Гани предпринял очередной шаг в решении внутриафганского кризиса – он объявил трехдневное перемирие (которое позднее продлил на неделю). Поводом стал мусульманский праздник – рамадан. Боевики ответили на призыв, прекратили вооруженные действия, и три дня население страны благочестиво молилось и браталось. Стороны соблюдали режим прекращения огня в национальном масштабе впервые за 17 лет вооруженного конфликта. На рассвете четвертого дня талибы возобновили атаки на населенные пункты.

Во время визита в Кабул и Исламабад посол США Элис Уэллс заявила, что отказ талибов присоединиться к политическому процессу «неприемлем». Немногим позднее госсекретарь США Майк Помпео во время необъявленного визита в Афганистан 8 июля 2018 г. подтвердил необходимость убедить «Талибан», что будет оказано беспрецедентное давление в дипломатических, военных и социальных вопросах, что боевики не могут победить и должны смириться».

Из заявления М.Помпео следует, что значительная часть военного бюджета НАТО в размере 200 млрд долларов будет направлена на афганские военные операции.

Но стоит напомнить высказывания тех же американских конгрессменов в июне 2018 г., что пуштуны не проиграли ни одной войны на своей земле. Англичане, русские в разные времена входили на их территорию и бесславно ушли. В XXI веке настало время для американцев увязнуть в Афганистане.

Н.Д.Саженов

**Московский государственный институт международных отношений МИД России,
Москва.**

МОДЕЛЬ ИМИТАЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО АФГАНИСТАНА

Изучение восточных обществ с теоретической точки зрения представляет определенные сложности – основная масса политологических теорий, призванных объяснить те или иные явления, создавалась применительно к западным обществам и не может быть применима к незападным в силу существенных отличий в специфике их функционирования. Аналогичные трудности возникают при анализе политических стран незападных государств и отдельных ее составляющих – к примеру, при анализе политического режима как способа организации политической системы. Применение классической триады политических режимов «демократия-авторитаризм-тоталитаризм» к незападным обществам также представляется ограниченным, особенно на фоне развития теоретических концепций, позволяющих выделить различные формы каждого из этих режимов, в особенности демократии.

В условиях Афганистана, строящего после свержения в 2001 году политическую систему практически с нуля, заметны попытки механического копирования институтов, характерных для зрелых либеральных демократий стран Запада. В то же время в стране сохраняется традиционное сознание и мироощущение, подкрепляемое родоплеменным делением, наряду с некоторыми традиционными властными институтами, встроившимися в новую политическую систему: примером могут служить джирги - советы старейшин в пуштунских племенах, проводящиеся не только на локальном, но и на региональном, и на государственном уровнях. Наложение традиционных и современных практик общественно-политической жизни и обуславливает появление такого феномена как имитационная демократия.

Возникновение и устойчивость такой модели политической системы в Афганистане обуславливаются во многом запросом государств-доноров, которые выдвигают создание государственных институтов по западному образцу в качестве одного из условий предоставления стране финансовой помощи. Учитывая хроническую зависимость Афганистана от предоставления донорской помощи, создание видимости работы политической системы по западным образцам выгодно афганским элитам для демонстрации собственной дееспособности и сохранения притока финансовых средств. Но при внешнем соответствии западным стандартам, политическая система Афганистана по сути своей остается незападной.

Для анализа такой объективной реальности представляется целесообразным выстроить идеальную модель имитационной демократии, а затем на ее основе проводить оценку политической системы Афганистана, исходя из соответствия реальной практики и идеальной модели. Основные параметры этой модели, помимо уже упомянутого «наложения» современных институтов на традиционных практики, включают в себя следующие эмпирические положения [Емельянов, 2015.С.109-114, 120].

1) При голосовании граждан на выборах приоритет отдается личности, а не программе. Возможны фальсификации и подтасовки результатов;

2) Элиты являются основными бенефициарами политической системы и воспринимают свое положение, как порождающее лишь права, но не обязанности. В основе внутриэлитарного взаимодействия лежит патронатно-клиентельная система;

3) Основные решения принимают «неконституционные», т.е. не упомянутые в конституции, государственные органы, которые представляют собой клиентулу высшего руководства страны; высока роль неформальных институтов. Политические партии слабы и также выступают в качестве структурированной клиентелы лидера, а не выразителя интересов определенных слоев населения;

4) Правительство не контролирует полностью всю территорию страны, ее легитимность ограничена. Могут возникать альтернативные или параллельные

государственной власти политические проекты, претендующие на собственную легитимность. Альтернативные проекты противопоставляют себя государственной власти (в реалиях Афганистана это вооруженная оппозиция), параллельные сосуществуют с ней – примером может служить племенное деление, сохраняющее в стране. [Лалетин, 2008.С.18-19]

В то же время заметно, что реальное положение дел в Афганистане, рассматриваемое сквозь призму модели имитационной демократии, характеризуется в первую очередь неавторитарной сущностью политического режима. [Воскресенский, 2013.С.336; Емельянов, 2015.С.110-111] Это связано с наличием в стране множества центров силы – правительство в Кабуле не контролирует полностью территорию Афганистана, на местах решающую роль в принятии решений играют племенные и региональные лидеры, при этом влияние государства на них ограничено. В таких условиях не приходится говорить о жестком сосредоточении власти в руках единого «центра».

Аналитическая ценность данной модели обусловливается ее универсальной применимостью к незападным государствам, функционирование политических систем которых возможно анализировать по основным параметрам этой модели. На основе базовых параметров идеальной модели имитационной демократии возможно проведение анализа функционирования политических систем большинства развивающихся государств (т.е., на страновом уровне), в том числе и принимая во внимания неформальные связи, сведенные к минимуму в либеральных демократиях западного типа, а потому редко находящиеся в фокусе внимания западных исследователей.

Библиографический список:

- 1) *Воскресенский А.Д.* Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии / А.Д. Воскресенский // Демократия в российском зеркале / ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворский. - М.: МГИМО-Университет, 2013. - С. 289-349.
- 2) *Емельянов А.Л.* Имитационная демократия: африканский вариант // Новая и новейшая история, 2015, №5. с. 104-124
- 3) *Конаровский М.А.* Афганистан после 2014 года / М.А.Конаровский // Вестник международных организаций. — 2017. — Т. 12 — №3. — С. 242-253.
- 4) *Лалетин Ю.П.* Племя и государство в Афганистане: идеальный тип (модель) политсистемы ряда стран Западной Азии - Москва, 2008. – 106 с.
- 5) *Норт Д.; Уоллис Дж.; Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества/пер. с англ. Д.Узланера, М.Маркова, Д.Раскова, А.Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
- 6) *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб.пособие для вузов – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018 – 224 с.

А.М. Сафаров

**Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск.**

АФГАНИСТАН, КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР ЦА

Современное развитие стран Центральной Азии (ЦА) серьезно осложнено многими объективными и субъективными причинами. Основными причинами следует назвать: катастрофическое ухудшение социально-экономического положения; безработицу; бедность; криминализацию различных сфер; коррупцию; возрождению клановой системы; отсутствие демократических перемен. Приведенные проблемы характерны почти для всех бывших советских республик.

Страны ЦА обладающие большими запасами природных ресурсов Туркменистан и в меньшей степени – Казахстан имеют сравнительно благоприятные условия, то чрезвычайно перенаселенный Узбекистан, а также Таджикистан и Киргизия входят в число беднейших государств мира.

Наряду с социально-экономическими и политическими проблемами региона основным дестабилизирующим фактором Центральной Азии остается Афганистан, где Талибан является одной из основных военно-политических сил в стране, который ведет вооруженную борьбу с правительственными войсками и международными вооруженными группами.

Афганистана был и остается основным «заповедником», где созданы лучшие условия для образования и развития террористических групп. Военное присутствие США не принесли благоприятных результатов для Афганистана.

Пребывание американских войск на территории Афганистана, является одной из сдерживающих факторов экспансии радикалов в ЦА.

Десятилетия войны в Афганистане создали самую благоприятную почву для наркобизнеса. Опиумный мак выращивают в промышленных масштабах, производство героина поставлено на поток. Афганистан является мировым лидером по производству наркотиков, поставляя на международный "черный рынок" 90% всех производимых в мире опиатов.

В настоящее время через страны ЦА транспортируют около 30% афганских наркотиков.

Афганистан остается одной из самых не безопасных мест на Земле. Почти 3,5 тысячи мирных граждан погибли в Афганистане в 2017 году, еще свыше 7 тысяч человек получили ранения, говорится в ежегодном докладе, опубликованном в четверг миссией ООН по содействию Афганистану (МООНСА).

В рамках ШОС РФ и КНР должны способствовать экономическому развитию региона и демократизации стран, решению социально-экономических проблем и борьбы с пропагандой религиозного экстремизма.

Библиографический список:

1. Lenta.ru. Талибан. [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/lib/14162689/>
2. Акимбеков С.М. Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии
3. Борисов Д.А. «Большая игра 2.0»: исламский мотив на пространстве Центральной Азии (1990-2000 гг.) // Вестник ТГУ. 2016. №407. С 44-48.
4. В. Я. Белокреницкий, Р. Р. Сикоев. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 216 с.
5. Казанцев А. Центральная Азия - светская государственность перед вызовом радикального ислама. [Электронный ресурс]-2016. -01.02.URL:<http://www.globalaffairs.ru/valday/Tcentralnaya-aziya-svetskaya-gosudarstvennost-pred-vyzovom-radikalnogo-islama-17959>

А.Х. Хизриев

**кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Азии и Африки,
Дагестанский государственный университет, Махачкала.**

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БРИТАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА В ЕГИПТЕ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1907-1918 ГГ.)

К началу XXв. в Египте окончательно сформировалась система «завуалированного протектората», позволившая юридически никак не оформлять британское господство в стране и опиравшаяся только на военно-политическую мощь Великобритании – самой могущественной державы того времени. Данная система начала зарождаться при лорде Дафферине– британском после при дворе турецкого султана в 1881-1884 гг., прибывшем специально в Египет, чтобы наладить управление этой османской провинцией после её оккупации английскими войсками в 1882 г. В 1883г. Форин-офис генеральным консулом Египта назначает Эвелина Бэринга, в 1860-1877 гг. уже служившего генеральным контролёром в этой стране в период «двойственного контроля».

Пытаясь решить вопрос о статусе британских войск в Египте, британское правительство искало разные пути выхода из этой проблемы. Однако серьёзное противодействие других ведущих держав того времени, особенно Франции, имевшей такие же коммерческие интересы, связанные в том числе с Суэцким каналом, а также претендовавшей на совместное с Англией управление, как это было в период «двойственного контроля», создавало препятствия в решении проблемы. Ввиду этого Лондон отложил решение данного вопроса на неопределённый срок, и главной задачей было создать такую систему управления Египтом, при котором Великобритания в любом случае оставалась реальным хозяином страны.

С этой задачей успешно справился вышеупомянутый Эвелин Бэринг, который позднее за свои заслуги был возведён в звание пэра, получив имя лорда Кромера. Он первым понял роль главы каирской резиденции в системе управления оккупированной страной, статус которой в силу международной обстановки никак не был определён. Он в полной мере использовал выгоды своего положения для укрепления позиций Великобритании в долине Нила³. Данная система продолжала успешно действовать и после его отставки в 1907 г. при следующем генеральном консуле Элдоне Горсте, а после смерти последнего в 1911 г. – при Горации Китченере. Оба они продолжали проводить политику лорда Кромера и оставались настоящими хозяевами Египта.

Ситуация начала меняться с ростом национального движения в Египте, которое после разгрома восстания Ораби-паши вновь начало возрождаться в 90-х годах XIX в. Основными его идеологами были Мухаммед Абдо, Абд-ар-Рахман аль-Кавакиби и Мустафа Камиль, продолжавшие идеи Джамаль-ад-Дина аль-Афгани. Однако наиболее выдающуюся роль в развитии национальных организаций и политической борьбы в стране сыграл Мустафа Камиль. Этот факт поставил под угрозу присутствие британских войск в Египте, что ещё более осложнялось тем, что их статус не был никак юридически оформлен.

В этих условиях британским оккупационным войскам приходилось проявлять невероятную изобретательность, чтобы снижать рост общественно-национального движения. Единственным выходом могло быть фактически силовое решение вопроса, итогом которого стало бы объявление протектората. Однако первое время Лондон не решался идти на прямое нарушение всех имеющихся с другими ведущими державами соглашений и создавать дипломатический конфликт. Однако после заключения ряда соглашений с Францией 8 апреля 1904 г., которые положили начало англо-французской Антанте, данная проблема, по сути, утратила черты международной, и были урегулированы противоречия по вопросам египетского государственного долга и режима Суэцкого канала. У британского правительства теперь полностью были развязаны руки, и оно приступило к фактическому оформлению колониального режима в Египте.

Разразившая Первая мировая война отменила все последние сомнения Форин-офиса и дала самый удобный повод для официального объявления в Египте британского протектората⁴. Полномочия генерального консула стали вновь соответствовать их основному статусу, сам Китченер вернулся в Лондон в должности военного министра. Высшая власть в стране перешла к командующему британскими войсками генералу Максвеллу. Режим диктатуры в стране, официально считавшейся провинцией враждебной Османской империи, в условиях войны стал сопровождаться усиленным террором. Тысячи участников национального движения, в их числе лидеры Национальной партии («Хизб-аль-Ватан»), были заключены под стражу или высланы из страны. Оппозиционные газеты были закрыты или подвергались строгой цензуре.

Однако официальное объявление протектората над Египтом так и не решило вопрос статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. Такие действия Лондона лишь на время решали проблему, при этом создавая дополнительные трудности для тех, кто отвечал за положение дел в стране. Даже во время Первой мировой войны вплоть до 1918 г. приходилось отрицать явный оккупационный характер британского присутствия в зоне Суэцкого канала и брать на себя обязательства по закрытию египетского вопроса после её окончания. Такая политика в перспективе привела к новому витку египетского национально-освободительного движения. И только формальное объявление независимости Египта в 1922 г. относительно решило проблему с определением официального статуса пребывания британских войск в стране в той форме, которая вполне устраивала британскую корону.

³ Бурьян М.М. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX в. – Луганск, 1994. – С. 41.

⁴ Mansfield, P. The British in Egypt / P. Mansfield. – L. :Weidenfeld and Nicolson, 1971. – P. 209-210.

А.С. Сербина
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск.
ЕС И СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ НОВОГО
ПАРТНЕРСТВА

Взаимодействие ЕС со странами Центральной Азии (ЦА) на период до 2020 г. базируется на принятой в 2007 г. Стратегии нового партнерства. В ней выделены следующие приоритетные направления сотрудничества: верховенство права и демократизация, торгово-экономические отношения, образование, общие вызовы безопасности, экология и водные ресурсы. С 2007 по 2013 г. помощь ЕС развитию в Центральной Азии составила примерно 750 млн. евро, из которых одна треть была выделена на региональные программы, а две трети - на двусторонние инициативы. На период 2014-2020 гг. объем запланированного финансирования был ещё существенно увеличен и достиг 1,068 млрд. евро.

Реализация Стратегии продолжается, ЕС уже четыре раза проводил оценку достигнутых результатов. Последнее заключение о Стратегии ЕС по Центральной Азии было принято 22 июня 2015 г. Советом по иностранным делам ЕС (далее – Совет)[1]. Совет отметил, что за восемь лет достигнут существенный прогресс в развитии как двусторонних отношений, так и отношений с регионом в целом. Европейская служба внешних связей (EEAS) имеет 4 представительства в Центральной Азии, в Астане, Бишкеке, Душанбе и Ташкенте соответственно. В 2015 г. было парафировано расширенное Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Казахстаном. ЕС надеется, что в ближайшее время вступит в силу и Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Туркменистаном, и это позволит полностью развивать потенциал этих отношений.

Основные цели Стратегии остаются актуальными, однако при ее дальнейшей реализации ЕС намерен учитывать предыдущий опыт, изменения геополитической ситуации в регионе. В перспективе глубина взаимоотношений также будет зависеть от амбиций и потребностей отдельных стран ЦА, растущих различий в их социально-экономическом развитии. Для достижения более конкретных результатов в некоторых областях сотрудничества это потребует переоценки баланса между региональными и двусторонними обязательствами. Ввиду растущей дифференциации в регионе Совет призвал Комиссию и EEAS выдвинуть предложения по эффективной реализации Стратегии в соответствии с обновленными потребностями.

Существующие региональные инициативы и платформы сотрудничества будут сохранены, но ЕС намерен действовать в регионе более гибко, только в тех странах ЦА, где есть заинтересованность, что в целом повысит эффективность программ ЕС в предстоящий период. Подчеркивается необходимость координации действий, предпринимаемых в регионе различными субъектами ЕС, в том числе отдельными государствами-членами. Последние должны играть более заметную роль в осуществлении, оценке и популяризации программ ЕС. Удачными примерами в связи с этим являются Программа содействию управления границами в Центральной Азии (ВОМСА) и Программа действий по борьбе с наркотиками в Средней Азии (САДАР). В 2014 г. были приняты многолетние индикативные программы (2014-2020 гг.) для региона ЦА в целом, и каждой страны в отдельности, эффективная реализация которых с учетом регулярной оценки и корректировки имеет решающее значение для успеха Стратегии.

Социально-экономическое развитие стран ЦА зависит от ответственного государственного и местного управления. Поэтому ЕС намерен усилить поддержку реформам в области верховенства права и уважения прав человека, развития прозрачных демократических политических структур[2]. В приоритеты ЕС входит уважение свободы слова, собраний и ассоциаций, вероисповедания, соблюдение прав женщин, детей и представителей меньшинств, поддержка усилий по искоренению пыток. В частности, ЕС использует один из новейших механизмов международного контроля в области прав человека - Универсальный периодический обзор, который представляет собой процедуру

регулярной оценки Советом по правам человека соблюдения каждым государством - членом ООН своих обязательств в области прав человека. ЕС уделяет большое внимание развитию гражданского общества, а также стимулирует страны ЦА в их борьбе с коррупцией, увязывая программы бюджетной поддержки с конкретными антикоррупционными мерами.

Устойчивый рост экономики региона также зависит от дальнейшего развития инноваций и повышения занятости среди молодежи. В этом контексте определенную роль в укреплении кадрового потенциала и модернизации экономики могут сыграть образовательные программы ЕС, в частности Erasmus+, которая стимулирует образовательную мобильность и сотрудничество между Европой и Центральной Азией. Деятельность европейских компаний в регионе благоприятно влияет на инвестиционный климат и взаимосвязи с международным деловым сообществом, что ведет к прогрессу в присоединении стран ЦА к ВТО. В целях содействия устойчивому развитию региона ЕС может поделиться опытом в таких инновационных областях как энерго эффективность, в том числе посредством внедрения специальных тарифов на энергию, стимулирующих рациональное ее использование, сельскохозяйственные технологии и развитие сельских районов, альтернативные источники энергии. В энергетическом и транспортном секторах сотрудничество между ЕС и ЦА направлено на формирование международных рынков и коридоров. «Южный энергетический коридор», по-прежнему, остается приоритетным проектом диверсификации энергетических потоков и повышения энергетической безопасности Европы. ЕС готов помочь странам ЦА имплементировать свои высокие стандарты безопасности, охраны окружающей среды на всех видах транспорта и развивать транспортный коридор Европа-Кавказ-Центральная Азия с учетом инициативы «Шелкового пути».

Сегодня перед странами ЦА стоит ряд проблем в области безопасности, в том числе радикализация и экстремизм, существующие водные и пограничные споры, незаконный оборот наркотиков, организованная преступность. Совет намерен и дальше развивать диалог по вопросам безопасности со странами ЦА, обеспечивая более активное участие в нем Афганистана. При этом важно координировать усилия с региональными партнерами, участвующими в деятельности по предотвращению конфликтов и обеспечению безопасности, таких как Региональный центр ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии (UNRCCA). Что касается болезненного вопроса общих водных ресурсов, то Совет подчеркивает важность налаживания регионального диалога и присоединения к международным договоренностям, регулирующим трансграничные ресурсы. ЕС готов оказывать поддержку странам ЦА в решении экологических проблем и смягчении последствий изменения климата. В частности будет продолжена поддержка экологических региональных инициатив, таких как Международный фонд спасения Арала (IFAS).

В целом, с 2007 г. ЕС успешно создал несколько институциональных механизмов для укрепления отношений с центрально-азиатскими правительствами, включая расширение присутствия на местах. Несмотря на это, участие ЕС в Центральной Азии является одним из ограниченных, оказывающих слабое влияние на регион: он так и не стал более устойчивым; планируемые поставки газа из региона в Европу до сих пор не начались; взаимная торговля минимальна, за исключением Казахстана; режимы Центральной Азии рассматривают демократию как угрозу их выживанию; коррупция серьезно подрывает экономическое развитие и выводит значительную часть помощи. В связи с этим Стратегию партнерства ЕС-ЦА необходимо серьезно пересмотреть.

Библиографический список:

1. Council conclusions on the EU Strategy for Central Asia Foreign Affairs Council, 22 June 2015. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10191-2015-INIT/en/pdf>
2. Европейский Союз и Центральная Азия: новое партнёрство в действии. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/RU-strategyAsia_int.pdf

О. А. Берникова

**Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
СОВРЕМЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

В последние десятилетия отмечается рост интереса к всестороннему изучению Востока в силу комплекса факторов геополитического и социального характера. В этой связи задача пересмотра содержания и модернизации образовательных программ по востоковедению особенно актуальна. Важным этапом в развитии востоковедения в Российской Федерации является приказ о формировании укрупненной группы подготовки высшего образования «Востоковедение. Африканистика» от 11 апреля 2017 г.⁵

Данное исследование рассматривает ключевые тенденции развития современного востоковедения. Целью работы является определение наиболее перспективной модели научно-образовательного пространства в условиях интенсификации межкультурного взаимодействия и распространения информационно-коммуникационных технологий.

Современная образовательная парадигма должна обеспечивать обучающегося комплексом навыков, позволяющих максимально эффективно адаптировать профессиональные знания в современном, быстро меняющемся мире. Сегодня акцент сделан с «человека знающего» на человека, способного применять соответствующие знания на практике, уметь гибко адаптироваться к динамичному развитию общества.

В этом контексте важным является использование цифровых технологий в научно-образовательной деятельности. Известно, что методы автоматической обработки информации позволяют решить целую серию задач, связанных с верификацией известных ранее научных фактов и получением новых, основанных на процессинге большого объема данных. При этом использование эмпирических методов исследования не всегда может быть оправдано. Такого рода развитие цифрового общества формируют для востоковедов новые направления научных исследований, подталкивают к получению дополнительных навыков в области информационно-коммуникационных технологий.

Изменился и современный рынок труда: востоковед может быть востребован как при разработке лингвистических программных приложений, так и в качестве аналитика в самых различных сферах. Многогранность деятельности ученого зачастую считалась характеристикой средневековья, но сегодня мы фиксируем аналогичные тенденции на новом этапе развития социума.

Примером оптимального сочетания классического востоковедения и инновационных образовательных технологий является программа по исламоведению, которая была открыта в Санкт-Петербургском государственном университете в 2015 г. В основе программы- подготовка специалистов с углубленным знанием языка, истории и культуры ислама. Ключевой особенностью является классический подход, основывающийся на изучении оригинальных источников. Наряду с этим часть дисциплин нацелена на формирование у обучающихся навыков использования цифровых технологий в научно-исследовательской практике и практической деятельности. В качестве примера можно привести дисциплину «Статистические методы обработки данных», опирающуюся на примеры баз данных по исламоведению. Кроме того, разработаны и реализуются такие дисциплины, как «Арабский язык и цифровые технологии», «Оцифровка и дигитализация арабографических рукописей» и др. Сегодня невозможно говорить о подготовке

⁵Приказ Министерства образования и науки РФ от 11 апреля 2017 г. № 328 “Об утверждении перечней направлений подготовки высшего образования, входящих в укрупненную группу направлений подготовки высшего образования "Востоковедение и африканистика", установлении соответствия направлений подготовки высшего образования, входящих в укрупненную группу направлений подготовки высшего образования "Востоковедение и африканистика", направлениям подготовки, входящим в перечень направлений подготовки высшего образования, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 сентября 2013 г. № 1061.

компетентного специалиста по арабскому языку, если он не учитывает особенности формализации языка как элемента электронной коммуникации.

Другим важным направлением развития востоковедения является необходимость интенсификации международного взаимодействия. Использование в образовательном процессе технологий видеоконференцсвязи наряду с традиционным академическим обменом может вовлечь в процесс большее количество преподавателей и студентов, а совместная разработка и реализация учебных дисциплин, обеспечиваемых представителями различных вузов, обеспечит более объективный взгляд на проблему, учитывающую разные подходы и традиции. Примером такого рода взаимодействия является серия дисциплин, реализуемых в формате видеоконференцсвязи СПбГУ и Мичиганским университетом (США).

Использование дистанционного формата обучения открывает новую страницу в истории востоковедения, которое никогда не носило массовый характер, а предполагало некую уникальность и самобытность. Вместе с тем развитие онлайн образования сегодня позволяет в определенной степени ответить на рост общественного интереса к различным востоковедным дисциплинам. Разработка и реализация онлайн курсов по арабскому и китайскому языкам, истории и культуре ислама подтверждают этот факт.

Таким образом, ключевые тенденции развития востоковедения ориентированы на оптимальное сочетание классических основ с достижениями цифрового общества. При этом содержание образовательных программ предполагают гибкую адаптацию к происходящим в социуме изменениям.

А.А. Сергеева

старший научный сотрудник, кандидат политических наук

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва.

**ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»)**

Реализация концепции «Один пояс, один путь», выдвинутой председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 года, включена в список важных задач, поставленных перед правительством Китая. Данный проект также внесен в план 13-й пятилетки (2016-2020 гг.) и призывает к выработке новых механизмов региональной экономической интеграции, стимулированию экономического роста вовлеченных стран, содействию международному сотрудничеству, что способствует миру и устойчивому развитию. Данная инициатива является мощнейшим драйвером в осуществлении китайской цели «Двух столетий» и «Китайской мечты». Обладая богатой и влиятельной диаспорой, в китайских политических и экспертных кругах стала популярной идея привлечения зарубежных китайцев к данной инициативе. Однако надо понимать, что зарубежные китайцы прежде всего преследуют свои экономические интересы и их взаимодействие с КНР выстроено по принципу обоюдовыгодных взаимоотношений. Действительно, *хуацяо хуажэнь* ведут активную коммерческую деятельность и занимают прочные позиции в бизнес-среде как по линии ЭППП (Экономического пояса Шелкового пути), так и «Морского Шелкового пути» в регионе ЮВА, где благодаря многолетнему присутствию, талантам и связям китайским эмигрантам удалось сосредоточить в своих руках наиболее доходные сферы экономики принимающих стран. При этом вряд ли находят практическое подтверждение опасения по поводу использования ресурса китайской диаспоры как инструмента и проводника интересов пекинского руководства. Активное участие зарубежных китайцев в политической жизни стран проживания обуславливается стремлением использовать свое положение для отстаивания частных интересов и интересов своей общины, а не для проведения политики КНР.

Библиографический список:

Афоняева А.В. Роль зарубежных китайцев в развитии северной ветки Экономического пояса Шелкового пути// Проблемы Дальнего Востока. № 4, 2016 г.

Цяо гунцзо янцзю. Сайт журнала: <http://qwgzyj.gqb.gov.cn/syinc.shtml>

Н.А. Филин

Российский государственный гуманитарный университет, Москва.
ИЗМЕНЕНИЯ В ИНСТИТУТЕ РЕЛИГИОЗНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА ПОСЛЕ
ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1979 ГОДА В ИРАНЕ

Функционирование общества в современном Иране неотделимо от института религиозного наставничества, которое на протяжении более 1,5 веков занимает главенствующую роль в религиозной жизни людей. Для того, чтобы верно соблюдать заповеди ислама, шииты в Иране должны либо получить полное религиозное образование и своей научной и просветительской работой достигнуть звания муджтахиды, имеющего право на иджтихад (то есть вынесение решений по вопросам шиитского права), либо выбрать себе религиозного наставника, или образец для подражания (перс. – марджа ат-таклид) из числа высших муджтахидов и следовать его наставлениям. Этот выбор должен быть сделан при достижении совершеннолетия человека по мусульманским обычаям (девочки в 9, мальчики в 15 лет по лунному календарю).

В середине XIX в. Хасан Наджафи приобрел статус единственного марджа, заложив основу дальнейшего развития этого института [Moussavi, с. 39]. А его преемник Шейх Муртаза Ансари значительно расширил область применения правовой теории, а также создал новый правовой анализ правил, регулирующих финансовые сделки. Также именно он первым выдвинул идею, что всей религиозной общине необходимо следовать мнению муджтахиды.

До Исламской революции 1979 г. в Иране марджа обладали следующими атрибутами: 1) были муджтахиды (имели право выносить суждения по различным вопросам исламского права; 2) располагали собственными ресале (книга по основополагающим вопросам религиозной жизни верующих); 3) пользовались большим авторитетом среди шиитского духовенства и верующих; 4) были живыми (не разрешалось следовать наставлениям умерших религиозных наставников).

На протяжении второй половины XIX в. и первой половины XX в. в шиитской среде велись дискуссии по поводу этих атрибутов, но они продолжали оставаться неизменными до 1960-х годов, когда право на иджтихад получил Рухолла Хомейни, который не имел к тому моменту ни написанного ресале, ни серьезного авторитета среди высшего шиитского духовенства [Воспоминания, с. 92]. Это случилось благодаря тому, что его приговорили к смертной казни из-за призывов к неповиновению шахской власти в 1963 г. [Momen, с. 187]. Иранские религиозные деятели были вынуждены дать ему звание муджтахиды, чтобы он избежал смерти.

После того, как Хомейни иммигрировал из Ирана в Ирак в 1964 г., он разработал теорию под названием вelayat-э факих (перс. – правление религиозного правоведа), исходя из которой власть не только в Иране, но и во всем исламском мире должна была сосредоточиться в руках представителя высшего шиитского духовенства. Эта концепция была реализована на практике в Иране в результате победы Исламской революции 1979 г. и закреплена в Конституции страны. В результате, главой государства стал сам Хомейни, получивший статус Лидера страны (перс. – рахбар) и имевший огромные властные полномочия.

После 1979 г. большие изменения произошли в статусе и атрибутах института религиозного наставничества. Во-первых, в Иране стало возможным лишить марджа-ат таклиды его статуса, если он не разделял официальную идеологию страны. Например, так произошло с аятоллой Мухаммадом Шариатмадари, для лишения права на религиозное наставничество [Wilfried, с. 215] которого в Куме в 1982 г. был создан специальный религиозный совет [Sakurai, с. 61]. Во-вторых, деятельность и финансовое благополучие большинства религиозных наставников стала зависеть от поддержки иранского государства. В-третьих, стало необязательно для получения статуса марджа написать ресале [Хаменеи] (нынешний Лидер страны Али Хаменеи его не имеет). В-четвертых, стало возможным следовать наставлениям умершего муджтахиды, если верующий был его последователем при жизни этого религиозного авторитета. В-пятых, допускается выбор в

качестве марджа нескольких наставников [Shirazi]. В-шестых, стало возможным избрание своим религиозным авторитетом муджтахидом, имеющего право на неполный иджтихад [Хаменеи, с. 12.]. Поэтому в разы увеличилось количество муджтахидов, объявивших себя маржа ат-таклидами.

Все эти изменения сказались на современном восприятии института религиозного наставничества в иранском обществе, что, с одной стороны, дало людям больший выбор в следовании тому или иному марджа, но с другой – уменьшило совокупный авторитет марджайата в глазах верующих из-за появления большего количества муджтахидов и уменьшения их финансовой независимости от власти.

Библиографический список:

Воспоминания аятоллы Хусейна Али Монтазери: с приложением и всеми дополнениями (хатерат-э аяталлахусейн али монтазери: беэнземам-э колийпейваства). Лос-Анджелес: Кетаб корп., 2001. 788 с.

Хаменеи А. Исламское право: учебное пособие. М.: Исток, 2010. 400 с.

Sakurai K. Making Qom a Centre of Shi'i Scholarship: Al-Mustafa International University // Shaping Global Islamic Discourses: The Role of Al-Azhar, Al-Madinah and Al-Mustafa. Edinburgh, 2015. P. 41–72.

Shirazi M. Taqlid // Practical Laws of Islam. [Электронный ресурс] URL: <http://www.makarem.ir/main.aspx?lid=1&view=1&typeinfo=30> (дата обращения: 15.16.2018).

Momen M. An Introduction to Shi'i Islam: The History and Doctrines of Twelver Shi'ism. New Haven, London: Yale University Press, 1985. 397 p.

Moussavi A.K. Religious Authority in Shi'ite Islam. Kuala-Lumpur: International Institute of Islamic Thought and Civilization, 1996. 338 p.

Wilfried B. Who rules Iran?: the structure of power in the Islamic Republic. Washington Institute for Near East Policy, 2000. 239 p.

СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ СТРАН ВОСТОКА

Е.В. Симонова
НГУ, Новосибирск.

ИЕРОГЛИФ КАК ФОНЕТИЧЕСКИЙ ЗНАК В КИТАЕ, КОРЕЕ И ЯПОНИИ

По мнению автора, сравнительное исследование иероглифа как фонетического знака в странах дальневосточного региона представляет научный интерес. Темой данного доклада является использование иероглифов в фонетической функции, получивших в Японии название *маньёгана*, в Китае, Корее и Японии, выявление парадигмы развития иероглифа от чисто идеографического к смешанному и фонетическому типу.

Китай

Перевод буддийских текстов в Китае. Введение новых принципов транскрипции санскритских слов. Переводческая деятельность Сюаньцзана. Пять видов непереводаемых слов [Введение в буддизм. 1999.С. 285-294]. Анализ значений слов 陀羅尼, 摩訶不思議 [Ёсино, 1988.С.83].

Запись японских имен собственных, топонимов и т.д. в китайских исторических хрониках: Сань-гочжи (кит. 三国志 «Записи о Трёх царствах», конец III в.), «Вэйчживожэньчжуань» («Предание о людях «ва» из истории государства Вэй», кит. 魏志倭人传, 280–290гг.), Суй шу (кит. 隋書), официальная историческая хроника китайской династии Суй (636).

Анализ составляющих слова иероглифов; сравнительный анализ иероглифов, используемых в качестве фонетических знаков в китайских хрониках и японских знаков маньёганы (Химико (яп. 卑弥呼), *ямато* (ヤマト), *о:кими* (オオキミ) и др.) [Арисака, 1935].

Корея, Япония

Система силлабо-морфемного письма *иду*. Самый ранний пример использования иероглифов в фонетической функции – иероглифический текст стелы Квангэтхо (кит. 广开土大王碑/好大王碑) (414 г.).

Самое раннее зафиксированное использование китайских иероглифов как фонетических знаков в Японии – сер. V в. [Ёсино, 1988.С.82].

Письменные источники времени правления императрицы Суйко (яп. 推古天皇, 554–628), т.н. *суйкотё*: *ибун* (досл. тексты двора Суйко). Сравнение знаков *маньёганы* японских текстов и знаков *иду* корейских источников [Кан, 1982.]

Библиографический список:

1. Арисака Хидэё. Маньёганазакко. Кокугокэнкю: [有坂秀世. 万葉仮名雑考「国語研究」] Материалы по исследованию маньёганы. Труды по японскому языкознанию. Токио, 1935.
2. Введение в буддизм. Редактор-составитель: Рудой В. И – СПб.: Изд. «Лань», 1999. 384 с.
3. Кан Токо. Рито: то маньёгана-но кэнкю: [姜斗興. 吏読と万葉仮名の研究. 和泉書院. Исследования по иду и маньёгане. Идзумисёин, 1982. 306 с.
4. Ёсино Масахару. Кандзи-но фуккэн [吉野政治. 漢字の復権. 日中出版] Реабилитация иероглифа. Ниттю: сюппан, 1988, 193 с.

Н.В. Кутафьева
НГУ, Новосибирск.

ПРОТИВОПОСТАЛЕНИЕ «СВОЙ–ЧУЖОЙ» В ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Противопоставление «свой–чужой» является основной для японского общества, культуры и языка. Каждый японец постоянно находится в системе координат, в которой по вертикали выстроена система социальных отношений, а по горизонтали пространственная и социальная степень близости–удаленности собеседника.

Разделение «свой–чужой» отображается в лексике, связанной с семьей. Для обозначения оппозиции используются слова *ути* «свой» – *сото* «чужой». Иероглиф «семья» также имеет чтение *ути* «дом, семья», для передачи значения слова «семья» с использованием этого иероглифа существуют многочисленные слова, в которых подчеркиваются нюансы наименования.

Такие понятия, как растворенность японца в семье, ответственность старших за младших и подчинение младших старшим, связаны с конфуцианством. Исторически сложившаяся система наименований своих и чужих родственников (дедушка, бабушка, отец, мать, муж, жена, брат, сестра) в настоящее время продолжает существовать и последовательно использоваться.

Вместе с тем после 60-х годов XX века происходит изменение японского социального пространства (разрушение коллективистского общества и изменение роли женщины), соответственно, изменяются и слова, связанные с наименованием семейных отношений, появляются заимствования из английского языка. Эта лексика связана со своей семьей и наименованиями мужа и жена. При этом слова, связанные с обращением к своим или чужим членам семьи, продолжают сохраняться и использоваться в неизменном виде.

Е. Е. Тихомирова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ВОСПРИИМЧИВОСТЬ КАК КОМПОНЕНТМЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Культурологическая составляющая является обязательным условием межкультурной коммуникации, для осуществления которой необходимо понимание сходства и различия между культурами родной страны и страны изучаемого языка. Среди категорий, с помощью которых язык систематизирует мир, можно выделить универсальные и уникальные. Проблема существования всеобщей универсальной базы, характерной для всех культур, находится в центре современных научных исследований в области языка и культуры. Мнения ученых расходятся от полного их отрицания до наделения их рациональным и конкретно-научным содержанием. Неоднозначность трактовок по этому вопросу является мощным стимулом к новым исследованиям в области языка, культуры и философии. Так, А. И. Кобзев и А. М. Карапетьянц, составляя список основных категорий традиционной китайской культуры, выделяют категории, которые существуют и в других культурах, и, возможно, являются универсальными: верх-низ (上-下), левый-правый (左-右), начало-конец (本-末), наличие-отсутствие (有-无), часть-целое (分-合), порядок-хаос (治-乱), различие-подобие (异-同), причина-следствие (因-果). Что соотносится с универсальными бинарными оппозициями, реализованными в русских константах, выделенных Ю. С. Степановым. Поэтому выстраивание межкультурной коммуникации может выстраиваться на соотношении универсальных смыслов на первом этапе обучения, на продвинутом этапе – с изучением уникальных национальных смыслов и может основываться на следующих положениях.

Мотивационно-творческая активность личности:

Мотивы: познавательные (устойчивая ориентация на усвоение способов добывания знаний, приемов самостоятельного приобретения); социальные (долг и ответственность, понимание личной и социальной значимости учебно-творческой деятельности).

Цели: сознательная постановка гибких, перспективных и поэтапных, реалистичных целей; соотношение целей и результатов; коррекция цели на основе обратной связи; самостоятельная постановка нестереотипных задач; поиск и овладение новыми знаниями; соотношение внутренней самооценки и оценки учителя; умение различать свои способности в целом и усилия в данном задании.

Умственное развитие:

Знания: ориентация на частично-поисковый (эвристический) уровень усвоения с элементами творческого уровня усвоения знаний.

Учебно-творческая деятельность: интенсивное овладение целостным строением учебно-творческой деятельности, способами самостоятельного перехода от одного звена учебно-творческой деятельности к другому.

Нравственно-эстетическое развитие:

– ориентация на подражание установленным образцам, нормам, правилам;

- личностная идентификация;
- упрочение самоуважения и достоинства;
- способность осознавать выбор, принимать оптимальные решения, нести персональную ответственность;
- способность достигать гармонии, простоты и красоты отношений в процессе коллективной учебно-творческой деятельности.

Коммуникативное развитие:

- умение обосновать свою позицию и в творческой дискуссии представить свою точку зрения;
- способность организовывать коллективную учебно-творческую деятельность;
- способность ориентироваться в жизненных ситуациях.

Как показывает многолетний опыт, преподавание языков и культур на кафедре теории, истории культуры и музеологии НГПУ, с универсалистской точки зрения имеет не только теоретическое, но и практическое значение: способствует формированию абстрактного мышления, способности систематизировать и моделировать материал, создает прочную лингвистическую основу для изучения других языков, дает представление о месте русского языка в системе индоевропейских. Параллельное сопоставление грамматических курсов русского, и новых европейских языков способствует усвоению материала, его систематизации, развивает навыки самостоятельной работы с текстом, словарем, справочными материалами, стимулирует развитие памяти, мыслительных способностей и интеллекта студента. Этот предмет имеет воспитательное значение – развитие целеустремленности, настойчивости в преодолении трудностей, воспитание усидчивости, аккуратности и последовательности в достижении поставленной цели, стремления уважительно относиться к ценностям русского языка и русской культуры в системе общемировых универсалий, включаясь в «диалог культур», относясь к «другому» как к «другу», «равному» в условиях изменения характера международных и межнациональных связей нашего государства. Такой подход позволяет создать условия для активного обучения посредством приобретения жизненного опыта, моделируемого в групповом взаимодействии людей. Он направлен на комплексное освоение теоретических знаний и практических умений, на формирование необходимых способностей, присвоение способов нормативного для иноязычной культуры поведения и действия, выявление и выработку способов преодоления типичных затруднений.

Формы и виды организации учебной деятельности на занятиях (работа по модулям весьма разнообразны) соответствуют поставленным задачам: словесные (теоретические и фактические знания, коммуникативные умения); наглядные (развитие образного мышления, художественного вкуса, культурной эрудиции); практические, методы самостоятельной работы (закрепление теоретических знаний, развитие самостоятельности мышления). При этом ведется учет личностных характеристик; степень развития универсальных действий и предметных умений; степень заинтересованности и владения культурным материалом; степень самостоятельности в овладении способами оптимизации учебной деятельности. Во многом результаты зависят от преподавателя, который использует продуманную систему поощрений и порицаний; дает четкий инструктаж; владеет приемами установления и регулирования взаимоотношений между студентами; стимулирует и поощряет самостоятельность и инициативу. Современный учебный процесс требует применения интерактивных методов: мозговой штурм; различные виды учебной дискуссии; игровое моделирование; дебаты. Интерактивная деятельность создает условия для того, чтобы китайскому студенту выразить скрытые чувства (проникнуться чувствами окружающих и понять их мотивацию), моделирует типичные реальные жизненные ситуации; предполагает активные коммуникативные действия; обеспечивает быструю обратную связь студента и преподавателя. В идеальной ситуации интерактивная деятельность в центре помещает студента и обращается к его нуждам и заботам; возможно, приводит к изменению культурных и поведенческих установок участников процесса обучения. Опыт показывает, что наличествуют и негативные стороны подобного подхода: в

аудитории китайских студентов, –это, прежде всего, столкновение людей, их ценностных установок. Упрощение материала даже полезно. Поскольку делаются только первые подходы к пониманию специфики культуры, в дальнейшем по концентрическому принципу и в процессе самообразования это упрощение будет преодолено. Дополнительные ресурсы (временные, пространственные, материальные) также возможно восполнить в результате комбинирования аудиторной и внеаудиторной деятельности. Применение игровых методик (введение элементов состязательности), интервью, драматизация(театрализация), составление словаря терминов и понятий, составление галереи образов, использование информационных технологий дало возможность китайским студентам показывать не только высокие учебные результаты, но и побеждать в конкурсах различного уровня.

М. Р. Арпентьева

**Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского, Калуга.
ВОСТОЧНЫЕ ПРАКТИКИ ДУХОВНОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ**

Современные практики и теоретики искусствоведения, историографии, социологии и психологии отмечают обусловленность существующих практик и доктрин духовно-личностного развития, а том числе психотерапии и психологического консультирования, социокультурным (в том числе политическим, этно-историческим, религиозным и т.д.) контекстом, в пределах которого они возникли. Речь идет об определяющем влиянии той или иной религиозно-философской, духовной традиции, в которой живет человек/группа: транслируемой традицией системой культурных ценностей, моделей поведения и общения, форм осмысления себя и мира [Бондаренко, Федько, 2014; Минигалиева, 2002. С. 190; Pedersen, 1988; Hwang, 2005; Kim, Yang, Hwang, 2010]. Практически все наиболее широко известные в современной науке и практике подходы к организации практик духовной-нравственной поддержки, воспитания и развития, психотерапевтической и собственно психологической помощи возникли и развиваются на той или иной путь даже «гибридной» или «лоскутной») социокультурной основе. Современные психотерапия и психологическое консультирование при этом в поисках транскультурных и трансдисциплинарных «универсалий» помощи страдающему человеку постоянно обращается к сопоставлению философско-религиозных и психотерапевтических культур Востока и Запада. Они сравнивают смыслы и психотехники, которые организуют психотерапевтический процесс и сходный с ним процесс «духовного освобождения»: рассматривают его со стороны клиента и консультанта, общества и личности и т.д. Они уделяют много внимания вопросам неэффективности и безуспешности подходов Запада в помощи людям Востока. Они также уделяют много внимания вопросам ответам поиска индигенных и транскультуральных, в том числе «архаичных» и современных, психотехник развития человека и т.д. Социокультурная обусловленность подходов к психологической и духовной поддержке и помощи определяет ограничения их использованию в иной религиозно-культурной среде. Вместе с тем, владение инокультурными, в том числе и особенно – различными инокультурными, - средствами психотехнологиями профессиональной целительской, коррекционной, развивающей деятельности, вне понимания социокультурных, в том числе духовно-нравственных оснований этой деятельности в каждой из культур (времен и регионов), создает и поддерживает у специалистов иллюзии их компетентности и иллюзии помощи как таковой. Аналогичным образом, многие миссионерские походы и акции последних веков, нередко насильственно навязывавшие свои взгляды на мир и человека, своих Богов и своих демонов, своих друзей и своих врагов, действовали, исходя из иллюзии приносимого блага, но часто всего лишь разрушали основы жизни человека и сообщества, не давая взамен ничего, что человек и сообщество могли бы использовать. Широта репертуара помогающих средств в работе миссионера и служителя культа врача-психотерапевта и социального работника, педагога и психолога-консультанта необходима, однако, она важна не сама по себе. Дело в том, что игнорирования, пренебрежения методами, основанными на соответствующем культурному наследию, традициям и воззрениям народа, созвучном пониманию себя и мира, ценностям,

убеждениям, переживаниям и моделям поведения обращаемых / опекаемых / воспитываемых / исцеляемых / консультируемых, абстрагирование от религиозно-философских оснований, (транс)формирующих ведущие культурные нормы, забвение собственных, «отечественных» традиций жизни и помощи ради внешней «панпсихологизации» и, тем более «глобализации» непродуктивны. Поэтому вопрос кросс-культурной валидности психотехнологий психологической помощи неоднократно становился предметом обсуждения, благодаря ему начал активно развиваться *индигенный подход*, который фокусирует внимание на значимости опоры на идеи, концепции и методы, на психотехнические модели, которые отражают культурный контекст жизнедеятельности клиентов. Навязываемые чуждыми концепциями и культурами смыслы осмысляются именно как таковые: задача уважительного и бережного, сохраняющего культурное разнообразие как богатство, отношения становятся все более значимой. Продуктивность и эффективность поддержки в форме духовно-нравственной, медицинской и педагогической, социально-психологической помощи определяется не многообразием методов и концепций, которыми владеет и которые разделяет специалист, а качеством помощи — тем, насколько используемый специалистом подход созвучен клиенту и его проблемам.

Применение инокультурных психотехнологий влечет ряд последствий, которые могут сказываться на продуктивности и эффективности работы с клиентами иной культуры, могут проявляться в неэтичных и непрофессиональных акциях и формах, в том числе в форме агрессивного навязывания людям иных культур ценностей, убеждений и моделей поведения, деформирующих и разрушающих привычное им бытие, не давая взамен ничего равноценного или, тем более, лучшего. Поэтому те движения к культуросообразным подходам, в том числе *девестернизация (de-westernization)*, направленные на стремление к укреплению независимости «незападных» моделей поддержки человека человеком и на снижение претензий «западных» и иных религиозно-философских и психотерапевтических подходов и моделей на универсальность, ведет к *индигенизации (indigenization)* жизнедеятельности, духовных и иных развивающих и помогающих практик. В процессе и результате так называемого «этнического возрождения» культур и наций, их «возвращения к собственным культурным истокам», человек и общество двигаются в сторону, противоположную универсализации и, в том числе, вестернизации, привнесенной агентами и технологиями западной цивилизации. Индигенизация означает «локальные тенденции на культурное обособление и цивилизационную независимость», она предполагает, что психотехники развития человека как личности и как духовного существа должны «производиться или произрастать в определенной среде» [Бондаренко, Федько, 2014. С. 1]. Индигенный подход нацелен на постижение и отражение взаимообусловленности содержания (т.е. ценности и убеждения, модели поведения) и контекста (социокультурного, религиозного и исторического) взаимодействия / трансформации. Индигенное духовное и, в том числе, психотехническое знание имеет «локальное происхождение — оно не является привнесенным или заимствованным из других территорий», формируя индигенное консультирование / индигенную психотерапию и иные индигенные практики духовного развития. Индигенизация имеет два импа: индигенизация извне (*indigenizationfromwithout*) и индигенизация изнутри (*indigenizationfromwithin*) [Pe-Pua, Protacio-Marcelino, 2000]. Первая включает модификацию имеющихся подходов при условии их трансформации в соответствии с оригинальным, имеющимся данным месте и времени культурным контекстом. Вторая включает разработку и применение полностью оригинальных подходов внутри конкретной, определенной историко-культурной и социально-политической среды (культуры) [Арпентьева, 2014б; Арпентьева, 2015; Минигалиева, 2002, 2013; 2012а,б; Okazaki., David, Abelman., 2008; Pedersen, 1988].

Россия интегрирует восточный и западный подходы, опираясь на духовные идеалы православия с одной стороны, и на переосмысление и интеграцию идей Запада и Востока с другой. Обе этих стороны и индигенны, и транскультурны. В отечественном

психотерапевтическом дискурсе понятие долга понимается как высшая, божественная сущность человека, в восточных техниках и подходах много внимания уделяется проблемам солидарности и благодарности, интеграции человека в мир людей. Отечественные и некоторые западные, экзистенциально-ориентированные, исследователи аксиологические понятия «добро» и «зло» определяют как критерии душевного здоровья или нездоровья личности. Добро, соответствующее сути человека, исцеляет душу, возвращает ей целостность и ценно само по себе, а зло — ненормально как беззаконие оно есть грех и отрицание святости, безнравственность. Поэтому оно - источник страданий и дисгармонии [Бондаренко и др., 2008, 2009], понимание россиянами других людей и ситуаций межличностных отношений более развернуто, диалогично, отличается принятием. Российские пациенты или клиенты обращаются к психотерапевтам и консультантам «не по прихоти», а по «жизненным показаниям», то есть - в ситуации острого психофизиологического страдания, сгорания от копившихся годами неотработанных переживаний, когда, вследствие травматических виктимизирующих его отношений, «болит душа», а сострадание не помогает. Ресурсы клиента - в сверхличных ценностях, воплощенных в значимых других: человек есть «уравнение Я и другого» [Бахтин, 1979. С. 424]. Российской культуре близок «этический персонализм», отражающий психологическую реальность межличностных отношений, важность баланса жертвоприношения и самопожертвования, преодоления позиции жертвы путем переосмысления своего самопожертвования как дарения, рефлексия путей девальвации личностного достоинства и др., которые, вместе с тем несут в себе большой потенциал универсальности [Бондаренко, 2005]. В России свобода, говоря словами А.А. Ухтомского [Ухтомский, 1997], дается только там, где есть «дары Духа Святого», а не произвол личности. поэтому психотерапевтическая помощь в России – это помощь ценностно-смысловая: ориентированная на изменение отношений человека к себе и миру в направлении их гармонизации - друг с другом и высшими «пределами» своего бытия. Ресакрализация способна помочь решить проблемы пациентов с самыми «стойкими» нарушениями.

Список источников

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. – М.: Академический Проект, 2011. С. 240. (на рус. яз.)
2. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание в супервизорском консультировании: школы, модели, стратегии, компоненты. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2014. С. 564. (на рус. яз.)
3. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования). Дисс. ... докт. психол. наук. – М.: МГУ, 2015. С. 497. (на рус. яз.)
4. Арпентьева М.Р. Западная и восточная модели психологической помощи и взаимопонимания// StudiaCulturae. – С.-Пб.: Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, 2014б. Вып. 22. С. 54-62. (на рус. яз.)
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. С. 424. (на рус. яз.)
6. Бондаренко А.Ф. Понятийный тезаурус этического персонализма как русской традиции в психотерапии// Журнал практикующего психолога, 2005. № 11. С. 39–48. (на рус. яз.)
7. Бондаренко А.Ф., Федько С.Л. Тенденции индигенизации и их осмысление в современной консультативной психологии// Медицинская психология в России: электрон. науч. журн, 2014. № 5 (28) URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения: 10.05.2018). (на рус. яз.)
8. Воробьевский Ю.Ю. Стук в Золотые врата. - М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 572с. (на рус. яз.)
9. Исаенко, О. С. «Архаичные» формы и методы психологической помощи // Журнал практической психологии и психоанализа. Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций. — 2010. — № 3. — Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20100304> (10.12.2018). (на рус. яз.)
10. Минигалиева М.Р. Кросс-культурные аспекты социально-психологической помощи: понимание и толерантность. – Калуга: МГТУ им Н.Э. Баумана, Манускрипт, 2002. С. 190. (на рус. яз.)
11. Минигалиева М.Р. Особенности стратегий понимания консультантов в мультикультурном диалоге// Вестник Костромского государственного университета. – Сер. «Педагогика. Психология. Социальные науки», 2013. №1. С.147-150. (на рус. яз.)
12. Минигалиева М.Р. Стратегии и схемы самопонимания клиентов в мультикультурном диалоге // Вестник Костромского государственного университета. – Сер. «Педагогика. Психология. Социальные науки», 2012а. №4. С.175-178. (на рус. яз.)

13. *Минигалиева М.Р.* Толерантность и мультикультурализм: современная этнопсихология и мультикультурное консультирование. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012б. С. 332. (на рус. яз.)
14. *Yomts A.* Психотерапия: Восток и Запад. - М.: Весь мир, 1997. С. 140. (наангл. яз.)
15. *Arnett J.J.* The neglected 95%: Why American Psychology Needs to Become Less American // *American Psychologist*. – 2008. – Vol. 63, №7. – P. 602–614.
16. *Arpentieva M.R.* Understanding as a phenomenon of social psychology. -North Carolina, USA: Lilu, Si-press, 2016. С. 240р. (наангл. яз.)
17. *Corsini R., Auerbach A.* The encyclopedia of psychology (Part 1) Moscow: EKSMO, 2006. 938 p. (наангл. яз.)
18. *Henrich J., Heine S.J., Norenzayan A.* The Weirdest People in the World?// *Behavioral and Brain Sciences*. 2010. №33. P. 61–135. (на англ. яз.)
19. *Hwang K-K.* The Third Wave of Cultural Psychology. The Indigenous Movement// *The Psychologist*, 2005. Vol. 18, №2. P. 80–83. (наангл. яз.)
20. *Kim U., Yang K-Sh., Hwang K-K.* Indigenous and Cultural Psychology: Understanding People in Context. Springer US, 2010. 518 p. (наангл. яз.)
21. *Okazaki S., David E.J.R., Abelman N.* Colonialism and Psychology of Culture// *Social and Personality Psychology Compass*. 2008. Vol. 2, №1. P. 90–106. (наангл. яз.)
22. *Paranjpe A.* Theoretical psychology: meeting of East and West. New York, 1984. (наангл. яз.)
23. *Pedersen P.* A handbook for developing multicultural awareness. Alexandria, VA: AACD, 1988. 360 p. (наангл. яз.)
24. *Pe-Pua R., Protacio-Marcelino E.* Sikolohiyang Pilipino (Filipino Psychology): A legacy of Virgilio G. Enriquez // *Asian Journal of Social Psychology*, 2000. №3. P. 49–71. (на англ. яз.)

Е. Е. Малинина

НГУ, Новосибирск.

ПРОСТРАНСТВО ДЗЭНСКОГО ХРАМА: ЕДИНСТВО РЕЛИГИОЗНОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО

Проблема символично-философского значения дзэнского искусства является частью большой и насыщенной темы о роли искусства в передаче важнейших духовных истин. Хорошо известно, что искусство буддизма дзэн существовало не столько «ради искусства», ради удовлетворения эстетических потребностей, сколько было направлено на задачу нравственного совершенствования личности. Художественное творчество расценивается в дзэнском контексте в первую очередь как духовная дисциплина, как способ освобождения от «эго» в процессе концентрации на избранном предмете изображения. Художественный образ, наполняясь нравственно-этическим, символическим содержанием, становится одним из инструментов трансформации сознания, средством медитативной практики. По словам Татибана Дайки, настоятеля одного из храмов монастыря Дайтокудзи, «человек, полагающий, что постиг дух дзэнского учения, но при этом не знающий его искусства, не в состоянии проникнуться дзэнским образом жизни».

Изобретательны и неисчерпаемы средства, с помощью которых дзэнские наставники находят возможность приобщать своих прихожан к созвучным философии дзэн идеям. Всё храмовое пространство, включая росписи на внутренних перегородках – *фусума*, живописные, каллиграфические свитки в *токонома*, разнообразные архитектурные детали и, наконец, сад как естественное продолжение внутренних помещений воспринимается как цельный микромир, предназначенный для формирования определённого состояния сознания, играет роль некоего камертона, настраивающего человека на восприятие философско-религиозных истин.

PHILIPPOV Alexander

Saint-Petersburg State University, Faculty of Asian and African Studies, Saint-Petersburg. EDO EPOCH IN JAPAN - STAGNATION OR EVOLUTION (FROM GENROKU THROUGH "3 GREAT REFORMS")

Mainly scholars depict the Edo period as a time of stability, rigid and immovable forms in state institutions at its utmost. It seems like the socio-political life had no changes for more than two centuries. Surely, it can be correct for the main characteristics of official structures. In the meanwhile, the Genroku era (1688-1704) evokes the impressive city strata flourishing and great cultural prosperity never seen before. Genroku is determined as the peak in evolution of

Japanese feudal system. That means somehow the evident beginning in decline of formal authorities. Despite this, a search for details depicts quite different picture (it does not even ruin a harmony image of rigid society).

Discussion on the changes in Edo society refers to the Genroku era and ‘the Three Great Reforms that follows’. ‘Three reforms’ were gradually undertaken by the authorities three times in Kyoho, Kansei and Tempo years. But even these ‘three’ significant gradual attempts to harmonize the society could not describe the real picture of social changes in the Edo period.

More details prove the fact that successive reforms at the latter part of the Edo period had never ended until the final crash of shogun’s feudal system (till the start of Meiji revolution). See the simplified table that follows (color marks the era name *nengo*., in which reforms were undertaken; not-colored means – no any remarkable reforms):

SHOGU N ORDER	SHOGU N	RULED	NAME OF ERA (NENGO :)	DATES OF ERA
			Bunroku	1592-96
1	Ieyasu	1603-05	Keicho:	1596- 1615
2	Hidetada	1605-23	Genna	1615-23
3	Iemitsu	1623-51	Kan-ei	1624-44
			Sho:ho:	1644-48
			Keian	1648-52
4	Ietsuna	1651-80	Jo:o:	1652-55
			MEIRE KI	1655-58
			Manji	1658-61
			Kambun	1661-73
			Empo:	1673-81
5	Tsunayoshi	1680- 1709	TENNA	1681-84
			JO:KYO :	1684-88
			GENRO KU	1688- 1704
			HO:EI	1704-11
6	Ienobu	1709-12	SHO:TO KU	1711-16
7	Ietsugu	1712-16		
8	Yoshimune	1716-45	KYO:H O:	1716-36
			GEMBU N	1736-41
			KAMPO :	1741-44
			ENKYO:	1744-48
9	Ieshige	1745-60	Kan-en	1748-51
			HO:REK I	1751-64
10	Ieharu	1760-86	MEIWA	1764-72
			AN-EI	1772-81
			TEMME I	1781-89

11	Ienari	1787- 1837	KANSEI	1789- 1801
			KYO:W A	1801-04
			BUNKA	1804-18
			BUNSEI	1818-30
			TEMPO:	1830-44
12	Ieyoshi	1837-53	KO:KA	1844-48
13	Iesada	1853-58	KAEI	1848-54
14	Iemochi	1858-66	ANSEI	1854-60
			Man-en	1860-61
			Bunkyu:	1861-64
			Genji	1864-65
			Keio:	1865-68
15	Yoshinob u	1866-67	Meiji	1868- 1912

Even before Genroku reforms were requested 3 times (Meireki, Tenna, Jokyo). From Genroku to the start of *bakumatsu* period (during 20 nengo) – only 1 (Kan-en) is not marked by reforms. After the arrival of commodore Perry’s “Black Ships” the situation in Japan can be defined as an absolute instability (as never-ended reforms too). The summary is following: reforms were undertaken constantly during Edo-period. The term ‘3 Great Reforms’ means just the most remarkable ones.

The significance of such a chronological kind of approach to analyses of the Edo-epoch seems to be useful to determine main trends of the period. A great number of reforms is a clear evidence for the fact that Edo-epoch was not a time of stagnation. It was an epoch of significant domestic evolution, which had provided the cornerstone for the great moves of the following Meiji Revolution.

Е. М. Османов

СПбГУ, Санкт-Петербург.

ЯПОНСКИЙ ЗАКОН О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ 1872 Г. И РОССИЙСКИЙ ЗАКОН 1874 Г.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Как известно, впервые общегосударственный закон о воинской повинности – *тэхэйрэй* 徴兵令 появился в Японии в ноябре 1872 г., а уже 10 января следующего года началось формирование армии и флота из призывников. Лидеры раннемэйдзийской Японии, инициировавшие серию реформ во всех областях частной и общественной жизни, военной реформе уделяли первостепенное значение, поскольку прекрасно понимали, что без сильных вооруженных сил страну ждет незавидная участь соседа – Китая. Изучив системы организации военного дела на Западе, проводники военной реформы пришли к заключению, что новые вооруженные силы необходимо создавать по образцу западных стран. Выбор был сделан в пользу Франции, в которой в то время действовал закон о воинской повинности (конскрипции) 1855 г.

Приступая к военной реформе, японское правительство отправило за рубеж несколько миссий, в задачи которых входило и посещение России. По их результатам были составлены отчеты, в которых красной нитью проходил тезис о том, что Россия в худшую сторону отличается от других западных стран и ее опыт не может служить образцом для подражания. Так, секретарь наиболее известной миссии возглавляемой Ивакура Томоми 岩倉具視 (1825-1883) – Кумэ Кунитакэ 久米邦武 (1839-1931) писал: «возможно, в военном плане Россию можно назвать сильной державой, однако она не осознает в полной мере значения экономического роста своего народа и государства в целом, вследствие чего цивилизационный и культурный уровень ее развития достаточно невысок». Изучив положение в военной сфере в России в целом, Япония пришла к выводу, что российское

военное законодательство является оторванным от реалий и не может быть ни в коей мере применимо в Японии. Более того, японцы одними из первых указали, что именно отсутствие всеобщей воинской повинности в России стало одной из основных причин ее поражения в Крымской войне.

Итак, почему же Япония не только не взяла ничего из российского военного опыта, но и устами многих политических и военных деятелей крайне нелицеприятно отзывалась о существовавшем на рубеже 60-70-гг. XIX столетия военном законодательстве?

На этот вопрос можно дать несколько взаимодополняющих ответов. Первый из них заключается в том, что Россия, ведущая на протяжении практически всей своей истории непрерывные войны, как это не парадоксально звучит, закон о воинской повинности, подобный японскому закону 1872 года, приняла лишь в 1874 году.

До того времени в России не существовало закона о воинской повинности в полном смысле этого слова, а набор солдат в войска проводился на основе рекрутской повинности, введенной, как справедливо отмечал военный министр Японии Ямагата Аритомо 山県有朋 (1838-1922), еще реформами Петра I в 1705 г. и неоднократно видоизменявшейся на протяжении своей истории. На рубеже 60-70-х гг. XIX столетия в России действовал устав о рекрутских наборах, принятый в 1831 г. Хотя этот устав упорядочил систему набора рекрутов, разрешал систему откупа от службы, устанавливал возрастной ценз (от 20 до 35 лет) и срок службы (20 лет), он, будучи ориентированным в первую очередь на зависимое сословие (крепостных), не содержал принципов, характерных для аналогичных законов, существовавших в других европейских государствах.

Вторая причина игнорирования Японией российской военной системы лежит намного глубже и заключается в общем развитии военной мысли в России во второй половине XIX века. В то время вопросами теории войн и системой призыва занималась т.н. «академическая школа», сложившаяся в стенах Академии Генерального штаба. Академическое направление в военной науке считалось официальным, и руководство вооруженными силами России требовало реализовывать на практике идеи и рекомендации «академистов». Поскольку авторитетами для них являлись военные мыслители и полководцы Запада – Наполеон, Фридрих II, Мольтке и другие, Япония заимствовала информацию не через Россию, а напрямую обращалась к трудам западных теоретиков. Изначально понимая, для чего и какие вооруженные силы ей необходимы, Япония, естественно, не могла использовать существовавшую на тот момент времени в России «николаевскую» систему боевой подготовки войск, основанную на плац-парадности и показной выучке.

Еще одним важным фактором, негативно представлявшим российскую систему комплектования армии, был качественно иной подход к статусу призывника. Япония, создавая вооруженные силы по европейскому образцу, стремилась как можно быстрее достичь того, чтобы служба в армии расценивалась обществом не как некое тяжелое бремя, а как почетная обязанность и привилегия. Неслучайно, с первых дней формирования новой военной системы, мэйдзийское руководство старалось «увязать» вооруженные силы с личностью императора и, тем самым, установить некую духовную связь между каждым военнотружущим и императором, чья роль и статус продолжали искусственно возвеличиваться. В России же был распространен совершенно иной подход. С точки зрения русского сознания, воинская повинность была чем-то вроде человеческого жертвоприношения. Поэтому старались отправить на службу, прежде всего мужчин, которые прослыли «пустыми и никчемными», были балластом для общества или заслужили наказание. Для новобранцев их положение было равноценно «гражданской смерти». Исходя из сказанного, вполне естественно, что Японией, при поиске образца для определения правил призыва, выбор был сделан не в пользу России.

Тем не менее, несмотря на отсутствие какого-либо взаимовлияния, весьма интересно сравнить законы о воинской повинности Японии и России, тем более, что появились они практически одновременно, с небольшим временным приоритетом Японии. По многим положениям российский закон был более продуман, имел связь с реалиями российской

действительности. Установление обязательной воинской повинности в российской армии, во-первых, несколько возвысило звание воина, а во-вторых, привлекло в ряды армии некоторое число лиц, принадлежавших к высшим сословиям и вообще получивших образование, тогда как по действовавшим законам таковые лица прежде освобождались от рекрутской повинности. Вместе с тем закон не был до конца последователен. Значительная часть «инородческого» населения устранилась от воинской повинности (уроженцы Средней Азии, Казахстана, некоторые народности Крайнего Севера).

Японский закон, являясь калькой с французского, по многим положениям был чужд японскому обществу, и военным теоретикам пришлось в дальнейшем приложить немало усилий для того, чтобы он стал отражать особенности японской военной системы и социальных отношений.

Е. Л. Фролова
НГУ, Новосибирск.

ПРОЯВЛЕНИЯ КСЕНОФОБИИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЯПОНИИ

Япония традиционно считается моноэтнической страной, и по данным Министерства Юстиции, на 2015 год в стране проживало 1,76% иностранцев⁶. Однако в эту цифру не входят натурализованные иммигранты (в основном корейцы и китайцы), потомки браков японцев с иностранцами (*хафу*) и айны, т. е. группы людей, имеющих японское гражданство. Напряженные отношения между «чистыми японцами» и этими категориями людей конструируются по принципу «свой-чужой» (*ути* и *сото*), они не могут быть приняты обществом как «японцы». Резиденты сталкиваются с дискриминацией и проявлениями расизма на бытовом уровне: при приеме на работу, поиске партнера для брака, найме жилья. Особенно ярко ксенофобия проявляется в отношении к китайцам и корейцам, которые образуют в Японии большие диаспоры. Эта неприязнь уходит корнями глубоко в историю и сохранилась до сих пор во многом благодаря кампаниям, которые организуют националистские организации (Дзайтокукай, Уёкудантайи др.).

Националистические идеи широко транслируются также через индустрию развлечений. В первую очередь это комиксы манга, интернет-бюллетени, *мукку*⁷, *ранобэ*⁸, адресатом которых является молодежь. Например, манга «Сэнсо:рон» (戦争論 «О войне», 1998–2003) рассказывает сегодняшней молодежи о «настоящей войне, которая привела японцев к чудесным победам раннего периода и трагическим битвам периода поражений»⁹. «Сэнсо:рон» рассматривает японский экспансионизм как войну за освобождение народов Азии; отрицает массовое убийство в Нанкине и т. д.

Манга «Кэнканрю» (嫌韓流 «Ненависть к корейцам», 2005) через дебаты между студентами-японцами и их друзьями-*дзайнити*¹⁰ последовательно доказывает правоту и справедливость японской, а не корейской точки зрения на историю отношений Японии и Кореи с начала XX в. Студенты обсуждают колонизацию Кореи, статус *дзайнитив* Японии, события Второй мировой войны, и в конце концов корейцы-*дзайнити* принимают японские аргументы и просят научить их «истинной истории».

Мукку «Кё:гаку-ногайдзинхандзай ура фаиру» (驚愕の外人犯罪裏ファイル «Секретные материалы о преступлениях иностранцев», 2007) повествует о преступлениях, совершенных иностранцами. На первой странице журнал заявляет, что иностранцы совершают больше преступлений, чем японцы. Истории их преступлений снабжены

⁶Сайт Министерства Юстиции Японии. Immigration control 2016 // [URL: http://www.moj.go.jp/content/001211226.pdf](http://www.moj.go.jp/content/001211226.pdf) (дата обращения 11.04.2017).

⁷Переходная форма между журналом и книгой.

⁸ Романы формата PocketBook, в мягкой обложке, обильно иллюстрированные рисунками в стиле аниме.

⁹Philippe Pons. A cartoonist rewrites Japanese history // [URL: http://mondediplo.com/2001/10/09/manifesto](http://mondediplo.com/2001/10/09/manifesto) (дата обращения 16.04.2017).

¹⁰Дословно «временно находящиеся в Японии» (яп.) Национальное меньшинство, потомки корейских иммигрантов, приехавшие в конце XX–начале XX вв.

фотографиями. В основном иностранцы обвиняются в торговле наркотиками, их употреблением, групповых драках, похищении людей. Южная Корея и Китай изображены как рассадник преступности, что подкрепляется «социологическими исследованиями». Здесь же уделено внимание *никкей*¹¹, проживающим в Бразилии, которые хотели бы эмигрировать обратно на свою родину, но, к сожалению, уже испорчены иностранными привычками, в том числе привычкой совершать преступления. Рассказывается и об остальных *гайдзинах*¹²-преступниках: иранцах, русских, южноамериканцах, малайцах и др.

Данные произведения в полной мере иллюстрируют взгляды японских националистов и их действия по распространению националистических идей. С помощью комиксов националисты создают стереотипное представление об иностранцах, которое потом проявляется в виде вывесок «Japaneseonly», слухах о правонарушениях иностранцев и т. п. Однако находятся оппозиционеры, которые активно борются с изданием подобных произведений и изъятием их из общественного доступа.

В последнее время в японских средствах массовой информации часто поднимается вопрос о проявлениях ксенофобии и расизма в японском обществе и пассивности правительства в решении данной проблемы.

В. В. Ахметов

**Новосибирский государственный университет, Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск.**

КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРА И ЮГА В КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В корейской историографии термином «государства севера и юга» обозначают эпоху, когда территория Корейского полуострова была поделена между Объединённым Силла и Бохай (кор. Пархэ). Хронологически этот период продолжался с конца VII в. по начало X в. Понятие «государства севера и юга», где северным государством именуется Бохай, а южным – Объединенное Силла, прочно вошло в корейскую историографию. Например, оно используется сеульским профессором Хан Ёнью в изданном им в 1997 г. учебнике истории [Хан, 2010, с. 37]. Исходя из этой концепции, Бохай и его история воспринимаются как неотъемлемая часть корейской истории наравне с Силла и Корё.

В корейских исторических источниках той эпохи, «Самгук саги», «Самгук юса», отсутствует концепция, которая бы утверждала общность двух государств (Силла и Бохай). В этих источниках есть упоминания о государстве Бохай, но они относительно фрагментарны.

В XVII–XVIII вв. в Корее своего расцвета достигает идейное течение *сирхак*. В его рамках происходит переосмысление истории Кореи, подразумевавшее отход от прежних китаецентричных трактовок [История Кореи, 1974, с. 291]. Сторонник течения *сирхак* Ю Дыккон (1748–1807) написал в 1784 г. «Пархэго» («Изучение Бохая»). В предисловии к своему исследованию Ю Дыккон утверждает, что в истории Кореи существовали государства Севера и Юга, летописную историю которых должна была составить Корё под названием «Намбуккукса». Но правители Корё ошибочно не сделали этого [Ю Дыккон, 2007, с. 40].

Затем уже после освобождения Кореи в 1945 г. эта концепция постепенно снова стала актуальной в корейской историографии. Южнокорейские историки по сути воспроизвели те же соображения, что и Ю Дыккон, в обосновании необходимости выделения такого периода в истории Кореи [YiU-Song, 1977; SongKi-Ho, 1990].

В северо-корейской историографии термин «эпоха северного и южного государства» не используется. В рамках господствующей в исторической науке КНДР концепции говорится о сосуществовании Позднего Силла и Пархэ. Причем Пархэ без сомнений

¹¹ Потомки японских эмигрантов, этнические японцы во втором, третьем и четвертом поколениях.

¹² Иностранцах (яп.)

считается наследником Когурё, а первым государством, объединившим Корею, называют Корё, а не Силла [О Корее, 2016].

Идея выделения особого периода государств севера и юга актуальна в южнокорейской историографии. Некоторые историки активно выступают за использование такого термина. В частности, известные бохаеведы Сон Кихо, Хан Гючхоль [Хан Гючхоль, 2005; Сон Кихо, 2006]. Однако во многих обобщающих работах по истории и археологии Кореи этот термин не встречается. Концепция северных и южных государств используется теми авторами, которые хотят особо подчеркнуть, что история Бохая есть неотъемлемая часть корейской истории.

Библиографический список:

SongKi-No. Several Questions in Studies of the History of Palhae // Korea journal. 1990. Vol.30 No.6. pp. 4 – 20.

Yi U-Song. A Study of the Period of the Northern and Southern States // Korea journal. 1977. Vol.17. No.1. pp. 28 – 33.

История Кореи (с древнейших времен до наших дней). Т.1. М.: 1974. 470 с.

О Корее. Т.2. История. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках. 2016. 87 с.

Сон Кихо. От эпохи Объединенного Силла к эпохе Южного и Северного государств // Ёксапипхён. 2006. №74. С. 294-299.

Хан Гючхоль. Пархэыйтэвагангеса: намбуккукыйхёнсонгвачонгэ (Внешние связи Пархэ: формирование и развитие Южного и Северного государств). Сеул: Синсовон. 2005. 415 с.

Хан Ёнгу. История Кореи: новый взгляд. М.: Вост. лит. 2010. 758 с.

Ю Дыккон. Пархэго (Изучение Бохая). Сеул: Хоникчхульпханса. 2007. 192 с.

В. И. Ожогин

**Новосибирский государственный университет, Новосибирск.
ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЯ «СЕМИОСОФИЯ»
ДЛЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И КОМПАРАТИВИСТИКИ**

Обоснование статуса понятия «семиософия» в ряду классических «семиология» (в версии Ф. де Соссюра) и «семиотика» (в духе Ч. Пирса). Соотношение примерно такое же, как между культуроведением, культурологией и культурософией (философией культуры как таковой, или культурфилософией). Идея Ю. М. Лотмана о *семиосфере* предполагает предельный уровень рефлексии о ней (*семиософии*), что мы собственно и находим в его классических трудах, как и учение Тейяр де Шардена–В. И. Вернадского о *ноосфере* предполагает уровень философского понимания и истолкования этого положения.

С учетом тезиса Ч. Морриса (См. [3]) о том, что общее учение (наука) о знаках включает в себя *и психологию, и когнитологию, и логику, и лингвистику и др.* области знания о человеке, и что природа мышления, в конечном счете, представляет собой сугубо знаковый процесс можно вывести логическим путем умозаключение относительно того, что *семиософия* является более абстрактным уровнем знания, чем даже философия, ибо последняя сама представляет собой особый язык, подлежащий истолкованию в семиотических (семиологических и семиософских) категориях, как любой другой профессиональный (искусственный) язык является знаковой системой.

Учение Ж. Деррида о *следах* в природе и культуре как неких фундаментальных знаках (обстоятельно изложенное, например, в труде «О грамматологии» [1]), замещающих не только предметы и предметности (*денотаты* и *десигнаты*), но и другие знаки (во втором случае порядок этого замещения в принципе бесконечно членим по аналогии с банальной матрешкой или квантовой теорией о строении материи) может рассматриваться в качестве принципиальной основы обоснования перспективности рассуждений об изучении и понимании (как рационально, так и интуитивно) *семиосферы с позиций семиософии*. Правда, язык последней тоже будет представлять собой знаковую систему особого характера и он пока еще в стадии становления и систематизации.

Как головной мозг человека, имеющий две половины (полушария-полусферы) – левую и правую, семиосфера человечества в глобальном плане имеет тоже *две полусферы – восточную и западную*. Отношения между ними точно так же асимметричны, как и в случае функциональной асимметрии полушарий головного мозга. Причем параллель предполагает и особую специализацию каждой из *полусемиосфер*.

Асимметрия Востока и Запада в разные периоды истории проявлялась по-разному (иногда ближе к «женскому» варианту, иногда – к «мужскому»), но обязательно имела место как фундаментальный закон жизни, о чем убедительно говорил основатель микробиологии Луи Пастер.

С позиций семиософии можно иначе рассмотреть и трактовать классическую проблему компаративистики «*Восток – Запад*»: диалог между ними не только возможен, но и необходим. Однако при этом принципиально не может быть симметрии, следовательно, и не может быть банальной унификации мировоззрений, систем ценностей и социальных институтов ни с точки зрения *семантики*, ни с позиций *синтактики* и *прагматики*. Сама природа знаков на Востоке и Западе различна, соотношение *иконических, индексальных и символических* подсистем не одинаково.

Проблема иероглифического письма и *иероглифического мышления* в этом случае предстает в новом свете. В этом контексте не выглядят так уж странно и претенциозно названия и содержание работ, например, известного японского психолога и культуролога Цунода Таданобу «Мозг японца» [6] или российских исследователей В. Б. Касевича «Буддизм. Картина мира. Язык» [2], Н. А. Спешнева «Китайцы: особенности национальной психологии» [4], Тань Аошуан «Китайская картина мира» [5] и др. Вообще изучение языковых картин мира, их базовых *концептов*, общих принципов устройства и функционирования в духе Л. Витгенштейна периода «Логико-философского трактата» или теории Э. Сепира–Б. Уорфа, часто именуемой теорией лингвистической относительности, а также в контексте фундаментальных положений американского лингвиста Ноама Хомского о порождающих (генеральных) грамматиках представляется одним из крайне заманчивых и перспективных направлений развития и востоковедения, и компаративной культурологии (см., напр., антологию классических трудов по этой теме «Языки как образ мира» [7]).

Любая культура – это *метатекст*. В ней можно выделить базовые тексты, которые уместно называть *матрицей* культуры. Часто под ними подразумеваются *каноны* (например, в христианстве, буддизме, конфуцианстве, исламе и т. д.). Канонические тексты особенно трудны для понимания и перевода представителям иной культурной традиции. Помимо необходимой объективной и беспристрастной позиции переводчика и исследователя требуется знание законов и правил строения и функционирования языковых систем и порожденных ими текстов. Эти алгоритмы поддаются формализации, что существенно облегчает понимание содержания. Форма и значение слова как знака представляют собой две стороны одной медали, нерасторжимое единство в рамках целого. Поэтому изучение формальных аспектов структуры текстов также необходимо для их адекватного понимания.

Письменные тексты на восточных языках (в данном случае имеются в виду китайский, японский и корейский) либо полностью основаны на иероглифическом письме (китайский), либо частично (японский), либо фрагментарно и исторически с ним связаны (корейский алфавит, имеет в том числе, и визуальную семантику). Иероглифическая природа восточного письма, на котором созданы и функционируют тексты соответствующих культур, позволяет ставить вопрос об особом типе мировоззрения и мировосприятия, отличных от западных. Условно можно говорить о так называемом *иероглифическом мышлении*, что представляет собой крайне любопытный научный предмет для исследования философов, семиотиков, филологов и лингвистов.

Активное использование семиотических (семиологических и семиософских) концепций в востоковедных штудиях способствовало бы повышению их общего профессионального качества за счет приобщения к богатейшей мировой и отечественной традиции. Семиотическая терминология хорошо применима к описанию не только самих восточных (естественных) языков, что очевидно, но и к описанию философии, психологии, этнографии, литературы и искусства народов Востока. Можно говорить о семиотике восточных архитектурных и садово-парковых комплексов, театра и кино, музыки и танца, одежды и жестикуляции, дизайна и кулинарии. В терминах науки о знаках совершенно обоснованно представляется различие морали (этики) и этикета между Западом и

Востоком. Сам иероглиф как таковой (и в обычном письме, и в каллиграфии) в культурах Дальнего Востока (прежде всего, Китая и Японии) является базовым знаком, в отличие от букв западных алфавитов, не являющихся знаками. Поэтому говорить о *семиозисе* в иероглифических культурах намного органичнее и адекватнее в плане решения определенных исследовательских задач, нежели использовать традиционно укоренившийся в эмпирическом востоковедении описательный подход с неясной методологией и аморфной терминологией.

Библиографический список:

1. Деррида Ж. О. грамматологии / Пер. с фр. и вст. ст. Н. Автономовой. М.: Изд-во «Ad Marginem», 2000. 512 с.
2. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 282 с.
3. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: антология. / Сост. и общ. ред. Ю. С. Степанова. Екатеринбург: Изд-во «Деловая книга», 2000. С. 45-97.
4. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011. 336 с.
5. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
6. Цунода Таданобу. Нихондзин-но но: (Мозг японца). Токио: Тайсюкан, 2001. 389 с.
7. Языки как образ мира. М.: ООО «Изд-во АСТ», СПб: Terra Fantastica, 2003. 568 с.

Б. С. Дугаров

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии, Улан-Удэ.

ДАЛАЙ-ЛАМА VI: СВЕТ САНСАРЫ, ПРОДЛЕННЫЙ В СТИХАХ И ЛЕГЕНДАХ

Цаньян Джамцо или Далай-лама VI (1683 – 1706) как высший иерарх тибетского буддизма жил в «самый смутный период в новейшей истории Тибета вообще и далай-лам в частности» [Цыбиков, 1919, с. 260-262]. Исторические обстоятельства, заложником которых ему пришлось поневоле стать, трагически отразились на судьбе Цаньян Джамцо, которому была отмерена короткая – всего 23 года – жизнь. Его рождение совпало со смертью прославленного Далай-ламы V, и это определило путь мальчика, признанного, согласно буддийской традиции, перевоплощением усопшего на основании многочисленных примет. Но до интронизации нового Далай-ламы в 1696 г. и после нее страной фактически правил в качестве регента Сандже-джамцо, даровитейший из учеников покойного Далай-ламы V, временно скрывший смерть своего учителя из-за политических соображений. Но его многолетняя тактика лавирования между властителями кукунорских монголов и цинской династией Китая, имевшая цель отстоять независимость Тибета, завершилась в конечном счете гибелью самого Сандже-джамцо от руки хошутского Лхавзан-хана в 1705 г. Последний решил избавиться и от ставленника Сандже-джамцо – далай-ламы VI, отправив его под конвоем в Пекин, где по пути в районе озера Кукунор он неожиданно скончался.

Однако Цаньян-джамцо остался жить в преданиях и легендах тибетцев – не столько как далай-лама VI, чей высокий иерархический статус признается в самой тибетской традиции, а как поэт, автор пленительных стихотворений, многие из которых стали народными песнями, среди которых наибольшей популярностью пользуется в Центральном Тибете цикл песен, широко известный как «Любовные песни» Далай-ламы VI. Впервые текст 55 песен этого сборника был опубликован блестящим знатоком Тибета Сарат Чандра Дасом в его «Введении в грамматику тибетского языка» в 1915 г., что вызвало профессиональный интерес у ценителей поэзии и способствовало дальнейшему изучению творчества поэта. Наиболее полное издание произведений Цаньян-джамцо представляет вышедшая в 1981 г. на тибетском и китайском языках в Пекине книга «Песни Цаньян-джамцо и его сокровенное житие», в которой содержатся 124 песни-стиха Далай-ламы VI, многие из которых по содержанию и внутреннему настрою глубоко лиричны и отражают чувства, пережитые самим автором [Дылыкова, 1986, с.200].

В августе 2013 года мне довелось в составе экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН посетить Северо-Восточный Тибет (Амдо и Кукунор, по нынешнему административному делению – провинции Цинхай и Ганьсу) и Тибетский автономный район и собрать некоторые сведения о современном бытовании произведений

Цаньян Джамцо, а также легенды, сохранившиеся в устной традиции. Безусловно, память о нем живет в народе, несмотря на значительные перемены, происшедшие в тибетском обществе за последние 50-60 лет в связи с присоединением Тибета к коммунистическому Китаю. Буддийские ценности по-прежнему составляют основу традиционной культуры.

Конечно, за короткий период пребывания в Тибете многое не удалось увидеть. Наша поездка носила скорее всего ознакомительный характер, это было как бы непосредственным прикосновением к культуре тибетского народа, его уникальному духовному наследию. Так, в Потале мы видели покои шестого далай-ламы, его «трон» в виде широкого сидения, ритуальные вещи и т.д., и это было вполне закономерно, так как Цаньян Джамцо стал фактически первым хозяином вновь отстроенной Поталы как резиденции далай-лам (так совпало по времени). Но в Джокханге – главном храме Лхасы и в ряде других храмов и монастырей его статуя отсутствует. Лишь в монастыре Ганден, где была представлена полная скульптурная галерея всех далай-лам – от 1-го до 13-го, за исключением 14-го, ныне здравствующего, мы обнаружили статую шестого далай-ламы Цаньян Джамцо. С разрешения сопровождающего нас ламы нам удалось снять на фото это уникальное изображение.

Также мне удалось записать в Лхасе удивительную легенду о любви Цаньян Джамцо к девушке по имени Магьяма и посетить «золотую башню» на улице Бакхор, где жила его возлюбленная. Сейчас на этом месте открыт популярный ресторан под названием Магьяма.

Помимо того, во время посещения знаменитого храма Гумбум недалеко от Кукунора мы познакомились с монгольским ламой из Алашани по имени Лувсамдамби, поведавшего о том, что, согласно устной традиции – вопреки официальной версии, Далай-ламы VI сумел остаться живым. Скрывая свое происхождение и имя, он странствовал по кочевьям монгольских племен, пока не осел в Алашани. Здесь среди хошутов он прославился как большой лама. Под его руководством и с его участием было построено много хийдов и дуганов – буддийских храмов. В годы культурной революции в Китае они были безжалостно разрушены, но реликвии шестого далай-ламы удалось спасти.

Легенды о Цаньян Джамцо можно отнести к интересной, еще малоисследованной области буддийского фольклора Центральной Азии и Гималайского региона. Вместе с тем они являют собой любопытный образец фольклорного сотворчества тибетского и монгольского этносов, еще раз подтверждающего общность их исторических судеб и этнокультурных традиций.

Библиографический список:

Дылыкова В.С. Тибетская литература. Краткий очерк. Москва: Наука, Гл. редакция вост. литературы, 1986. 234 с.

Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Петроград: 15-ая Государственная типография, Звенигородская, 11, 1919. 472 с.

А. В. Запорожченко, К. В. Луговой

**Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск.
РИТУАЛЬНЫЙ ИНИЦИАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС В ВОИНСКОЙ
КУЛЬТУРЕ ИНДОИРАНЦЕВ**

Исследование логики и структуры воинских инициационных ритуалов с необходимостью предполагает обращение не только к феноменологии собственно ритуальной практики и обрядовой символики, но и анализ символического кодирования пространственных перемещений носителей традиционной культуры, без чего целый ряд значимых компонентов ритуального процесса оказывается не проясненным или же полностью исчезает из поля зрения исследователя.

Главной чертой традиционной пространственной модели является его качественная неоднородность и дискретность, в рамках чего базовое противопоставление «свое - чужое» привело к формированию представлений о принципиально противоположных пространственных категорий, типологически идентичных, но обладающих противоположным «знаком». Освоенная и непосредственно используемая часть общего физического пространства не просто воспринимается как «своя», но расширяется до

понятия «человеческая», то есть как принадлежащая человеку в целом, ему свойственная, и маркируется безусловно положительными коннотациями. Тогда как неосвоенная и удаленная территория определяется «чужая», то есть несвойственная человеку, ему противоположная, и обладает целым рядом негативных символов и воплощений. Таким образом, социобиологическое понятие «свое - чужое», выполняющее в обществе инструментальные функции интеграции и дифференциации, трансформируется в мировоззренческое и культурное «наш мир – не наш, иной мир», предполагающее наличие двух принципиально отличных друг от друга реальностей. Очевидно, что человеческая реальность понимается как положительная, комфортная и нормальная, а нечеловеческая – как отрицательная, некомфортная и ненормальная. Общая бинарность и дихотомичность этой схемы нарушается появлением третьей пространственной категории, границы между мирами, выполняющей функции, с одной стороны, отделения и определения условий изоляции, а с другой – выявления правил и условий взаимодействия и взаимопроникновения.

В силу объективных причин, для внешней зоны эффективными оказываются модели поведения, ориентированные, с одной стороны, на личные качества, связанные с инициативностью, агрессивностью и т. д., а с другой – на групповые ценности, связанные с функционированием специфических профессиональных однородных коллективов, определяемых как «братства» - охотников, лесорубов, пастухов, углежогов. Во внутренней зоне, напротив, значимыми оказываются модели, ориентированные на неагрессивность, договороспособность и сочетание коллективных и индивидуально-семейных приоритетов.

Противоположность деятельностных стратегий в разных зонах подчеркивает разницу между территориальными феноменами, формирующимися в картине мира носителей традиции и закрепляет связь между местом и действием, территорией и поведением. Соответственно, должны существовать механизмы, во-первых, запоминания и накопления разных взаимоисключающих форм поведения, а во-вторых, актуализации данной конкретной поведенческой системы в тех или иных адекватных ей условиях. При этом иные, не характерные для конкретной территории сценарии и способы действия, то есть не привязанные к ней, являются не только неэффективными, но и избыточными, а соответственно, вредными, и чреватými опасными последствиями.

Чтобы снять формирующееся противоречие, традиционная культура идет по привычному ей пути, то есть задействует стандартный механизм ритуала, опирающийся на апробированную схему «революверизации» сознания, основанной на способности носителей традиции моментально переключаться с одной оперативной схемы на другую в соответствии, в данном случае, с территориальными маркерами, запускающие одни (адекватные) поведенческие сценарии, и блокирующие все остальные. В итоге ритуал становится основным средством деятельностной и пространственной регуляции архаического социума, обеспечивающим постоянное и безболезненное регулирование перемещений между разными зонами и эффективное функционирование в их рамках.

Внешний мир, культурная периферия – это зона решения внешних межкультурных конфликтов, есть территория войны, бесконечное поле боя. Военная деятельность, воспринимаемая архаическим социумом как определенная квинтэссенция «иномировой» поведенческой модели, с необходимостью подвергается самой жесткой регуляции. Воин, то есть тот, кто живет убийством себе подобных, для остального коллектива выступает высшей формой нечеловеческого бытия, онтологическим парадоксом, требующим строгого учета и контроля.

Поскольку поле боя, находящееся в периферийной зоне, гомогенно «Иному» миру и в целом природному, антикультурному состоянию, то и сам воин в боевом режиме, т. е. находящийся на войне, напрямую ассоциируется с феноменами, маркирующими этот иномировой и природный статус. Именно отсюда идут представления о воинах-оборотнях, берсерках, а также специфических воинских поведенческих стратегиях, включающих ритуальный каннибализм или демонстративное поедание мяса тотемных предков, так как все это – элементы общего кода, актуализирующего общую феноменологию реализации

соответствующих территориальных стратегий. К этому же семиотическому ряду относится и откровенно ущербное экономическое положение таких воинов в общей культурной парадигме. При возвращении из военной зоны в Центр после похода, набега и т. д., воин автоматически теряет права на любой материальный ресурс, в том числе и добытый в бою – он теперь является достоянием всей центрально-культурной зоны и перераспределяется ее постоянными обитателями, свободными землевладельцами. С этим связан и распространенный в разных архаических обществах принцип маркировки воинских заслуг экономически ничтожными, но логичными с точки зрения актуализации иномировой воинской природы знаками, прежде всего – частями тел убитых врагов (скальпы, уши, большие пальцы и др.).

«Иной» мир в общей космологической модели выступает в качестве инварианта изначального Хаоса, противостоящего структурированному Космосу состояния. Соответственно, именно символика Хаоса играет столь значимую роль в ритуальных процессах перевода маргинальных персонажей из одной зоны в другую. В случае с воинами, чья природа по определению принципиально двойственна и никогда не целостна, символика Хаоса вынужденно дублируется, поскольку возникает при любом направлении пространственного вектора, то есть работает и на вход, и на выход.

Это является результатом амбивалентности воинской природы и ее принципиальной отличности от природы прочих маргиналов. Так, охотник или лесоруб, в которых также проявляется иномировое начало, воплощают в себе в каждом случае пространственной трансформации простую однонаправленную схему: или человек – зверь, или, наоборот, зверь – человек. Воин же на постоянной основе является носителем двойного комплекта онтологических характеристик, и в зависимости от направленности вектора движения, то есть в каждом случае речь идет о трансформации сложного комплекса. Зверь-человек превращается в человеко-зверя, и наоборот.

В воинских культурах наблюдается определенная закономерность в выборе маркеров, соответствующих силам Хаоса. Обычно это огонь и вода, стихии, в большинстве случаев напрямую воплощающие именно хаотические коннотации, причем огонь выполняет стартовые функции, отвечая за перевод воина из центра на периферию, а вода – возвратные (пример с боевым безумием Кухулина и методами борьбы с ним). Эта же логика характерна воинских инициаций, где обе указанные стихии играют самую непосредственную роль, причем именно в рассматриваемом порядке «туда и обратно». Сюжет с закалкой эпических героев как отражение общей схемы воинских инициационных ритуалов можно считать общей парадигмой соответствующей ритуальной культуры, своеобразной идеальной моделью, готовящей воина к непростой судьбе жизни «чужого среди своих и своего среди чужих».

Г. М. Васильева
НГУЭУ, Новосибирск.
РУССКАЯ ДИАСПОРА В ХАРБИНЕ

В работе мы обращаемся к истории русской эмиграции в северо-восточном Китае, культурно-историческим условиям формирования русской диаспоры в Харбине. Можно отметить возрастающий интерес западных и китайских ученых, российских исследователей к истории Русского Зарубежья на Дальнем Востоке. Этот факт подтверждает выставка в Новосибирском краеведческом музее «Из Харбина. Русский Китай начала XX века. Документы, фотографии, подлинные истории» (2017), ряд мероприятий 2018 года, посвященных 115-летию КВЖД, Международная конференция «Харбин – город дружбы России и Китая» (июнь 2018).

Говоря о степени изученности, следует отметить монографии Г.В. Мелихова [3], А.А. Хисамутдинова [6], посвященные истории эмиграции в Маньчжурии. В исследованиях Н.Е. Абловой русская эмигрантская колония в Маньчжурии рассматривается в связи с историей КВЖД [1]. Большим научным достижением является энциклопедическое издание – «Золотая книга русской эмиграции» [4]. В нем содержатся

новонайденные библиографические изыскания, сведения о жизни российских эмигрантов. Индивидуальные условия адаптации зависели от многих факторов: таких как сохранение (хотя бы отчасти) семейных, индивидуальных, групповых ресурсов или их полная утрата, гендерная, возрастная и национальная принадлежность, профессионально-образовательный уровень [5]. Источниковая база исследования представлена целым рядом документов, прежде всего, международными Соглашениями и Договорами: «Союзный Договор между Российской империей и Китаем 1896 г.», «Русско-китайская Конвенция 1898 г.», «Соглашение между Россией и Китаем о Маньчжурии, 1902 г.», «Американско-японское международное Соглашение относительно надзора (supervision) над Сибирской железной дорогой от 9 января 1919 г.», «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, заключенное в Пекине 31 мая 1924 г.». В исследованиях подобного рода привлекаются дневники, письма, мемуары эмигрантов: например, воспоминания поэта Серебряного века, исполнителя песен на свои стихи А.Н. Вертинского [2]. В мире существует ряд ассоциаций бывших харбинцев, в том числе, в Новосибирске. Необходимо написать историю «сибирского Харбина», обратиться к свидетельствам наших земляков: известного композитора Г.Я. Габерника, искусствоведа И.Л. Косенковой.

Библиографический список

1. Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (1 пол. XX в.). М.: НПД «Русская панорама», 2004. 432 с.
2. Вертинский, А.Н. Четверть века без Родины: страницы минувшего. – Киев: Музыка Украины, 1998. 346 с.
3. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М.: ИРИ РАН, 2007. 235 с.
4. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века / Энциклопед. биограф. сл. / Под общ. ред. В.В.Шелухаева.. – М.: Прогресс, 1997. 430 с.
5. Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е.П. Таскина. М.: Изд-во МГУ, 2005. 271 с.
6. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2002. 360 с.

Д. П. Шульга

Сибирский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск.

ЭСТЕТИКА НЕБЕСНЫХ ТЕЛ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕТРОГЛИФОВ НА Р. БАЙЧАХЭ (КНР)¹³

Исследование эстетических представлений древнего населения степей Центральной Азии (Саяно-Алтай, Монголия, Тува, Минусинская котловина, Восточный Казахстан, Северный Китай) невозможно без привлечения материалов наскальной живописи. В настоящей работе мы остановимся на изображениях небесных тел, которых на писаницах куда меньше, чем картин с животными, людьми и антропоморфными духами, но которые от этого не теряют своего культурологического значения.

За последние десять лет бассейны рек Байчахэ и Шара-Мурэн в автономном районе Внутренняя Монголия (хошун Хэшигтен-ци) стали важным регионом, так как здесь было обнаружено 14 наскальных картин, 59 групп изображений и более 250 отдельных рисунков. Вместе с тем, данные находки мало известны российским культурологам, искусствоведам и археологам.

Река Байчахэ (приток Шара-Мурэна длиной около 140 км) расположена в юго-восточной части хошуна Хэшигтен-ци. Наскальные рисунки в основном распространены в среднем и нижнем течении реки, протяжённостью более 60 километров. Изображения небесных тел были найдены на склоне северного берега реки Байчахе. Петроглифы вырезаны на поверхности камня. Перед нами более десятка изображений светил. Исполнение их примечательно тем, что наряду с вполне естественными признаками (лучи, округлая форма и т.д.) некоторые небесные тела снабжены глазами, носами и ртом,

¹³ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)»

приобретая, таким образом, антропоморфные черты. Некоторые «звёзды» оформлены в виде личин с длинными ушами, напоминающими заячьи, и зооморфными мордами [1].

Интерпретация вышеописанной петроглифической композиции, на наш взгляд, достаточно очевидна. Во-первых, перед нами пример поклонения солнцу, луне и звёздам. Во-вторых, антропоморфизация светил свидетельствует о том, что авторы наскальной живописи связывали небесные тела с богами и духами (возможно, духами предков). В-третьих, в религиозной жизни сохранялись и анимистические представления, для которых характерно наделение сверхъестественных существ чертами животных. В-четвёртых, на данном примере прослеживается зарождение астрономических представлений у дописьменных народов.

При всей наглядности смыслов, вопросов возникает также немало. Во-первых, в силу особенностей самого типа памятников, датировка петроглифов весьма широкая (от эпохи ранней бронзы до эпохи ранних кочевников). Во-вторых, где грань между эстетикой и религиозной семантикой? Насколько художник следовал общим представлениям и традиции? На основе сравнения с другими похожими наскальными рисунками можно сделать вывод о сильном влиянии канона на авторов. И, вместе с тем, нельзя отрицать роль наскального искусства на общечеловеческое эстетическое развитие.

Библиографический список:

1. Хань Лисинь. Нэймэнгу кэшикэтэнци яньхуа [韩立新. 内蒙古克什克腾旗岩画 // 内蒙古文物考古 2004年第 1 期] Наскальные рисунки хошуна Хэшигтен-ци во Внутренней Монголии // Культурное наследие и археология Внутренней Монголии. – 2004. – №1. С. 39–41.

СЕКЦИЯ 3. ВОСТОКОВЕДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

A. E. Demidchik

Novosibirsk State University; Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk.
**ON THE BEGINNING OF MONUMENTAL STONE BUILDING
IN ANCIENT EGYPTIAN PROVINCIAL TEMPLES**

Although in the Old Kingdom Egyptians erected giant pyramids of stone for their pharaohs, their gods' temples in the provinces were still built of nondurable mud-bricks. It is considered that building in stone was first started in provincial temples in the First Intermediate Period – by the early XIth dynasty kings WahankhIntef and Nakht-NebtepneferIntef (XXI century B.C). But what could be their incentive for such a grand and labor-intensive innovation, especially as it happened amidst Intermediate Period turmoil, at the moment when their young Theban monarchy controlled only a smaller part of Egypt?

It is shown in the paper that Intefs' stone building in the provinces were mainly confined to the construction and redevelopments of the chapels of the goddess Satet and god Khnum on the island of Elephantine of the archipelago of the Nile First Cataract on Egypt's southern border. Close scrutiny of Intefs' inscriptions from these chapels [Bußmann, 2010, Bd. I, S. 25–30, 160–161, 171, Bd. II, Abb. 4. 11–15, 38–44, 62, 71–74] has elicited a number innovative features indicating that Satet and Khnum were invoked therein primarily as lords of the sources of the annual Nile inundation-*Hapi*, believed to be situated at the First Cataract [Демидчик, 2017]. This correlates well with the fact that, in First Intermediate period and early Middle Kingdom writing, acute food shortages caused by deficient Nile floods are mentioned far more often than in any other period of Egyptian history. Almost two dozen such texts are known, and roughly in every third of them there is the noun *Ts* (“a bank”), presumably referring to the clay banks and masses of dry earth that showed up stretching on the riversides when the water level in the Nile was low. There is also the mention of “the year of low inundation-*Hapi*” in Denderah, and so on. Taken all together, it is highly probable that Intefs undertook stone building on Elephantine in order to deliver their Theban kingdom from deficient Nile floods which resulted in frequent crop failures and famine [Demidchik, 2018].

Significantly, the same idea of royal generous gifts to provincial temples as the only way to normalize Nile inundations would later be fundamental in the “Book of the Temple” and the famous “Famine Stela”. According to J. Quack, the “Book of the Temple” may have been composed in the Middle Kingdom – thus, not too long after the XIth dynasty [Quack, 1999; Quack, 2013. S. 66]. The “Famine stela” narrates about a pharaoh's lavish donations to the temple of the lords of the sources of inundation, Khnum, Satet and Anuket of Elephantine, so that they put an end to a seven year famine [Barguet, 1953].

Bibliography

Barguet P. La Stèle de famine. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, 1953. 44 p.

Bußmann R. Die Provinztempel Ägyptens von der 0. bis zur 11. Dynastie. Leiden: Boston: Brill, 2010. Bd. I. XCVI, 680 S. Bd. 2. III, 273 p.

Demidchik A. E. A ‘Famine Stela’ Episode under the Early XIth Dynasty // The 69th Annual Meeting of the American Research Center in Egypt. April 20–22, 2018, Tucson, Arizona. Alexandria: ARCE, 2018. P. 36–37.

Quack J. F. Der Historische Abschnitt des Buches vom Tempel // Literatur und Politik im pharaonischen und ptolemaischen Ägypten/ Hg. J. Assmann, E. Blumenthal. Le Caire: Imprimerie de l'Institut Français d'Archéologie Orientale 1999, S. 267–278.

Quack J. F. Vom Dekret des Neferkasokar zum Dialog des Imhotep // Sokar. 2013. Nr. 27. S. 64–81.

Демидчик А. Е. О начале каменного зодчества в древнеегипетских провинциальных храмах богов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 10. С. 9–15.

TRAPPL Richard
University of Vienna, Vienna

“LUNYU” AND “DAODEJING”: ASPECTS OF “RELIGION”?

The considerations of this paper are derived from the discussion if Confucianism and Daoism should be regarded as religions or philosophies. The paper concentrates only on the original texts „Lunyu“ and „Daodejing“ and excludes their exegesis. i.e. Confucian and Daoist traditions. The texts of „Lunyu“ and „Daodejing“ are confronted with main criteria of how „religion“ is defined from a modern point of view. The conclusion is that the texts are metaphysical and epistemological speculations in the case of „Daodejing“ and ethical and agnostic reflections in the case of „Lunyu“, but they do not suffice criteria of „religion“. Quotations such as „Does Heaven say anything?“ or „How can one understand death before understanding life?“ illustrate the above propositions.

E. E. Voytishek, Yao Song
Novosibirsk State University, Novosibirsk.

BOSHANLU CENSERS
IN THE INCENSE CULTURE OF EAST ASIA

The article is dedicated to the evolution of *boshanlu* censers (博山炉) within the context of China's fragrance culture development. Having initially appeared in the burials of the Western Han dynasty nobility and surviving its heyday during the East Han, this kind of ritual vessel was commonplace up until the end of the Northern and Southern dynasties era (V-VI centuries). Over the course of almost 700 years, the *boshanlu* censer was commonly used not only as burial inventory, but also in various cult practices, palace ceremonial sand for domestic, sanitary and medical purposes. Due to their external beauty and wide functionality, censers served as an indicator of high social status for the aristocracy. On these kinds of censers, the symbols of Taoist concepts of the holy *xian* (仙) and the search for immortality were vividly embodied. With the spread of Buddhism in China, *boshanlu* censers which depicted Buddhist symbolism acquired great importance in Buddhist ritual practices. Subsequently, *boshanlu* censers penetrated onto the territory of the Korean peninsula and the Japanese archipelago, where at first they were also used as a Buddhist attribute. However, unlike Korea they never attained great popularity in Japan. *Boshanlu* censers are most commonly associated with the Chinese Han dynasty, despite its centuries-old existence on the territory of China as well as traces of its use in Korea and Japan. Nonetheless they are not merely outstanding masterpieces of decorative art and fragrance culture, but a certain cultural symbol, where the ideology of the early stages of Chinese civilization is reflected in concentrated form.

Borjigid Altangarag
Inner Mongolia University for Nationalities

Institute of Ethnology/ Institute of Mongolian Studies/ The Center of National Ethnology
HISTORY OF ENVIRONMENTAL CHANGE IN INNER MONGOLIA IN THE 20TH
CENTURY

SPONSORED BY NATIONAL SOCIAL SCIENCES FUND IN 2015-2018 “STUDY ON
ENVIRONMENTAL HISTORY OF SEMI AGRICULTURE AND SEMI PASTURE IN
INNER MONGOLIA IN THE 20TH CENTURY” BASED ON SURVEY DATA

Using the change of circumstances in nomadic pastoralism on the Mongolian Plateau in the 20th century as an example, the author constructs a historical image of the environment that the Northern Chinese cross-border ethnic groups inhabit. The author uses such approaches as the historical method, the method of historical and ecological anthropology, and the method of history of ecology.

A number of fields in the Inner Mongolia Autonomous Region, the Xinjiang Uygur Autonomous Region, and the Mongolia Western Altai Region of China have been chosen to participate in carrying out such ethnographic research. The first-hand data, which is related to the change of circumstances in Northeast Asia, has been collected to create the database. Moreover, open publications have successively reported periodical research findings.

“Research on Nomadic changes in modern Inner Mongolia”, completed in 2012, (“Transformation of Nomadic changes in Inner Mongolia in the modern age – on the example of Jalaid Banner”, Ph.D. Dissertation, 2006; “Research on Nomadic Change in modern Inner Mongolia”, Liaoning: Nationalities Publishing House, 2012), explained the changes of the nomadic environment in eastern, central and western Inner Mongolia in the 20th century. In this paper, the author uses the newly collected data to further consolidate some theoretical points.

In the “Study on nomadic environment history in China” completed in 2017 (“Study on nomadic environment history in China - based on the survey report of the Chinese Academy of Social Sciences”, Ningxia: Nationalities Publishing House, 2017) scientists investigated the nomadic environment of Alpine grassland in the Tianshan Mountains of Xinjiang and the nomadic environment of the Wuzhumqin Grasslands in Xilingol League of Inner Mongolia. On this basis, the article further articulated the scientific basis of the policy basis for environmental governance.

According to previous studies, since 2013 my academic team has been conducting long-term research for the nearly five years in “semi-agricultural and semi-pastoral” areas of Eastern Inner Mongolia. At the end of Qing Dynasty and the beginning of the Republic of China at different times more than 60 villages (called “*ail toshun*” in Mongolian) were investigated around the “immigration passage” (a new term proposed by the author). Among them, more than 10 villages, *gacha* (The Mongolian name for these villages) were deeply were thoroughly studied. At the same time, the research program was approved by the China Social Science Foundation Committee during the period between 2015 and 2018. The results of the survey collected during the previous studies will be used in the following researches to examine the “semi-agricultural and semi-pastoral” environment in eastern Inner Mongolia. This research focuses on the formation process, causes, existing problems and future development trend of the “semi-agricultural and semi-pastoral” environment in eastern Inner Mongolia.

By observing the historical evolution of these cases, this research explores the connection between human beings and their natural environment, the process of environmental change, and the environmental governance and management in northern China. This research reveals the historical origin of environmental problems and explores the non-scientific factors existing within environmental concepts and management thoughts. This research summarizes the traditional experience and modern development model of “semi-agricultural and semi-pastoral” environment in the context of the theory of ecological construction in China and the environmental history of Northeast Asia.

References (Part omitted):

1. Caroline Humphrey, David Sneath. The End of Nomadism. Cambridge: The White Horse Press, 2001
2. Yoshida Junichi. Nomadic and its reform. Annual journal of anthropology. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences, 2012
3. Borjigin Altangarag. Nomadic changes in modern Inner Mongolia – on the example of Zhabit Banner. Liaoning: Nationalities Publishing House, 2012
4. Kolás Áshild, Zha Luo. Pastoralism in Contemporary China Policy and Practice. Beijing: Social Science Academic Press, 2014
5. Borjigin Altangarag. Study on nomadic environment history in China - Chinese Academy of Social Sciences Research Report is basic information. Ningxia: Nationalities Publishing House, 2017

A.S. Shmakova

Novosibirsk State University, Novosibirsk.

MODERN IRANIAN PAINTINGS THROUGH THE PRISM OF FARZANEH TAJIK'S WORKS

Modernistic tendencies in Iranian fine art started to express themselves after the second World War, and were accompanied by the great passionate upsurge causing strong tendencies towards abstractionism. After the death of Kamal-ol-Molk (1847–1940) and the establishment of the College of Fine Arts, realism and the excessive academic manner of painting was widely criticized. At the same time, symbolism was starting to develop and traditional styles of Persian pictorial art were fancifully mixed with avant-gardism. The pioneers of the country's modern art were female artists Mansooreh Hosseini (1926–2012) and Behdjat Sadr (1924–2009).

It is widely known that Iranian pictorial art was always striving for modernism because it was one of the best ways to get rid of excessive naturalism in art. Nowadays modernistic traditions are very much alive and well developed within the art of young painters.

Farzaneh Tajik was born on 28 June 1981 in the family of decorator Ismael Tajik. She spent the first 17 years of her life in Karaj (Iran) with her elder sister and two brothers. Her talents started to show through at the age of six under the influence of her father. The encouragement of her family was very much affective for her and made her fall in love with art. In 2014 she was accepted into Shariati University (Tehran), and graduated in 2018 with a BA in Graphics. Leading up to this, during the previous 10 years she had been working and painting for herself.

Farzaneh Tajik's art has many faces. It combines realism with symbolism, expressionism, minimalism, postmodernism and pop-art all which together creates new or 'hyper' realism as she calls it. In a recent interview, Farzaneh said the following "...there's no reason to work with too much detail. What matters in delivering the realism in a modern world, is the concept that you have for having a different and great work of art. So you have something to say through that piece of art. I mean the main idea of an artwork and particular features of its finishing is more important than showing off a work with too much detail and without any concept. Nowadays, symbolism and minimalism styles, are combined along with realism in the background and they created a whole new meaning for it. Together they create stunning artworks that viewers, besides observing a realistic piece of art, also reach into an imaginary and mesmerizing conclusion."

But as long as her works are created within Islamic culture, they contain patterns and features typical for traditional Iranian paintings and Muslim culture, such as covered faces, lots of symbolic images, contrast of things shown and things hidden [Shukurov, 1989. P. 184–196]: "if nowadays humans are in the way of progress, technology and inventions, they should not forget about their roots. If he/she wants to reach modern beauties and show himself/herself more beautiful and more complete, it's better to do that with going back to his/her roots, origins and the things that were symbols of beauty in his/her country, which they still are. Like Islamic patterns on the walls of palaces, on pottery or carpets and so. The figures in these artworks, they are black and white and they are born again by these beautiful patterns on the background and they look so much more beautiful and better than they used to look. Because of that I wanted to create a combination of my country's tradition and make a mixture of modern world and also my roots..."

Farzaneh Tajik's works were presented in Paris (Galerie Saint-Roch) and in the Netherlands in May 2018 receiving raving feedback. Nowadays she is working on her own style. "I'd like to reach a place that I can be an idol for the ones who just walked into this field of art. I'd like my works to go higher until the ones who are following this style learn something from them. So I'll give them guidance and hopefully teach them something. In conclusion, I'd like my name to have a place in history of art of my country. It is the dream of every artist and like others, I would like it to happen for me".

KIYOSHI Tanaka

Global Education Center, Shinshu University, Nagano.

**INTRODUCTION OF SHINSHU UNIVERSITY AND
FUTURE COLLABORATION WITH RUSSIA**

Shinshu University (SU), which is one of the national universities in Japan, locates in Nagano prefecture and was founded in 1949. In this talk, first, the entire organization of SU and all faculties in it are introduced. Then, the international activities in SU, which is mainly led by Global Education Center (GEC), are shown. Next, the graduate school of SU is introduced. Then, the research activities, which are mainly achieved by Interdisciplinary Cluster for Cutting Edge Research (ICCER), are shown. Finally, the possibility to collaborate with Russian universities in near future is addressed.

SHIOTANI Masachika
Tohoku University, Sendai.

**THE ESTABLISHMENT OF CENTRAL STATISTICAL COMMITTEE IN MINISTRY
OF INTERIOR IN RUSSIA IN THE MIDDLE OF 19TH CENTURY**

Generally speaking, it was explained that after the French Revolution, a modern Nation-State appeared. We mention the sovereignty, common language, centralization of power by the government, the conscription and so on, as the characters of the Nation-State. But, the statistical system in Nation-State is very important from the economical viewpoint. Since the last of 18th century, statistical departments or bureaus in the Ministry of the Interior in European countries prepared a modern statistical system. Nation-State collected the main national information as the statistical data from various fields and controlled the domestic conditions. When the government considered her policy, she decided the direction of the state, based on these objective data. The centralized bureaucratic system was necessary, in order to prepare and edit statistical data. The central organization to sum up the collected data from the whole country and to edit statistical data over the ministries and government offices was needed in the bureaucratic system. The statistical bureau in the Ministry of Interior usually undertook the central role in the statistical system in many European countries. Particularly, Central statistical committee in the Ministry of Interior in Belgium showed the new model of European statistical system to other countries.

8 ministries were established by the administrative reform in Russia in 1802. At that time, the department of statistics was set in the division of police in the Ministry of Interior. This was the special department of statistics in Russia. At first, this department of statistics collected the report which was sent from every governor. But, parallel with administrative reforms, the function of statistical department was strengthened. The department of statistics was inserted into the secretariat in Russian Ministry of Interior in 1830s, and became the central organization in this Ministry. In the period, local statistical committee was established in every prefecture, and the work to collect statistical in the country was strengthened, in order to collect local information in St. Petersburg. The statistical system of Russia was greatly changed after the establishment of central statistical committee in the Ministry of Interior in 1858. After that, information from the whole country and from all ministries and government offices was sent to the central statistical committee. The central statistical committee edited various statistical data from many fields. Russia introduced this model of central statistical committee in the Ministry of Interior from Belgium.

Russia designed the statistical system appropriate for the country. But, we would like to call your attention to the fact that Russia established her statistical system, after she studied European statistical system. After 1853, under the proposal by Adolph Quetelet, Belgian statistician, international statistical congress periodically convened in European cities. Since 1857, when the congress was opened in Vienna, Russia began to participate in congress with Turkey. Russia also dispatched her statisticians to Austria and Germany, and studied the statistical system there. At that time, Russia was mainly interested in understanding of demographics and the control of people's movement. Russia not only studied the examples of Europe, but also exchanged the information of statistical system with foreign specialists in international statistical congress and developed the statistical system of Russia. One peak of statistical system was the realization of census in Russia in 1897. Central statistical committee in Russian Ministry of Interior prepared the organization to carry out the census. After the birth of Soviet Union, the statistical system of Russian Empire was succeeded to the Soviet Union and contributed to the planning of economy.

RECHKALOVA Anastasia
Novosibirsk State University, Novosibirsk
EMBLEMS OF THE DATE CLAN

Emblems (*kamon*) of the Date clan are a typical example of accumulated heraldic symbols within one blood-related association. However, the number of *kamon* can be considered incredible even for the Japanese military society. Historical sources confirm that the heads of the Date clan

used at least eight emblems for individual and family identification that were applied as a decorative element of personal belongings and architectural ensembles of different years: *Mitsu hikiryō mon* (three vertical lines), *Take ni suzume mon* (sparrow in bamboo), *Konoe botan mon* (peony of the Konoe clan), *Sendai botan mon* (peony of Sendai domain), *Kiku mon* (chrysanthemum), *Kiri mon* (paulownia), *Kuyō mon* (nine stars), *Yuki susuki mon* (miscanthus under the snow). Such a large number raises the legitimate question: why did the Date clan need so many *kamon*?

The answer to this question requires to study quite a long period of time, since the end of the 12th century, when the founder of the Date clan received the first *kamon* from Minamoto no Yoritomo (1147–1199) as a reward for faithful service in the war against the Ōshū Fujiwara clan, and until the end of the Edo period (1603–1868) when the feudal system ceased to exist. Unfortunately, the majority of preserved sources are dated between the late 16th – mid 19th centuries, and there are no original documents or artifacts that could shed some light on the history of the heraldic symbols from the earlier time. Thus, the time frame of this study is limited by the base of historical materials, that contain information about the *kamon* of the Date clan. On the one hand, it means that the knowledge of the origins of the most ancient emblems, mainly the *Mitsu hikiryō mon* and *Take ni suzume mon*, is just a various hypothesis, built on the ground of the later texts, family legends and suggestions. On the other hand, the highest increase in the number of *kamon* of the Date family occurred between the late 16th century – the first third of the 17th century.

In addition to the lack of sources, the study of the emblems also faces another problem, caused by government policy to regulate the use of *kamon* in the 18th–19th centuries. To simplify the identification of long processions of feudal lords, entered and left the shogun's castle, as well as for the ceremonial needs of shogun's court the bureaucrats of the military government (*Tokugawa bakufu*) decided to introduce the classification into official and unofficial *kamon*. Then this classification was countlessly reproduced in the pre-scientific treaties and heraldic guides, published in not only for the ruling elite, but for the general public too, and eventually migrated to modern research. Although there is no evidence that it was something more than a coherent theory that existed only on paper, it continues to affect the understanding of the functioning of the heraldry of the military society.

This study aims to present a point of view on the history of the Date clan's emblems, that, if possible, is free from such shortcomings as weak hypotheses and controversial theories. For this purpose, it critically analyzes corpus of texts "Historical sources of the Date clan" (Date-shi shiryō, 1888)¹⁴, "Kansei era edition of family genealogies" (Kansei Chōshū Shokafu, 1789-1801) and the artifacts from the collections of the Sendai City Museum, the Museum of mausoleum complex Zuihoden (which includes the items found in excavations of Zuihōden, Kansenden and Zennōden), the Museum of the Zuziganji Temple, the Homma Museum of Art and so on. The analysis mainly focuses on three aspects of the development of each *kamon* – their origins (except for the *Mitsu hikiryō mon* and the *Take ni suzume mon*), use and visual transformation. Here needs to notice, that the gaps in the knowledge of the emblems arising from the lack of sources most likely do not disappear in the result of this work, but it may be the great opportunity to eliminate some outdated ideas that became stereotypes.

¹⁴ Which includes the facsimile of the treatise "About the emblems" (*Uchi-no mon-no koto*, 1686) – the oldest of the currently known works described the *kamon* of the Date clan.

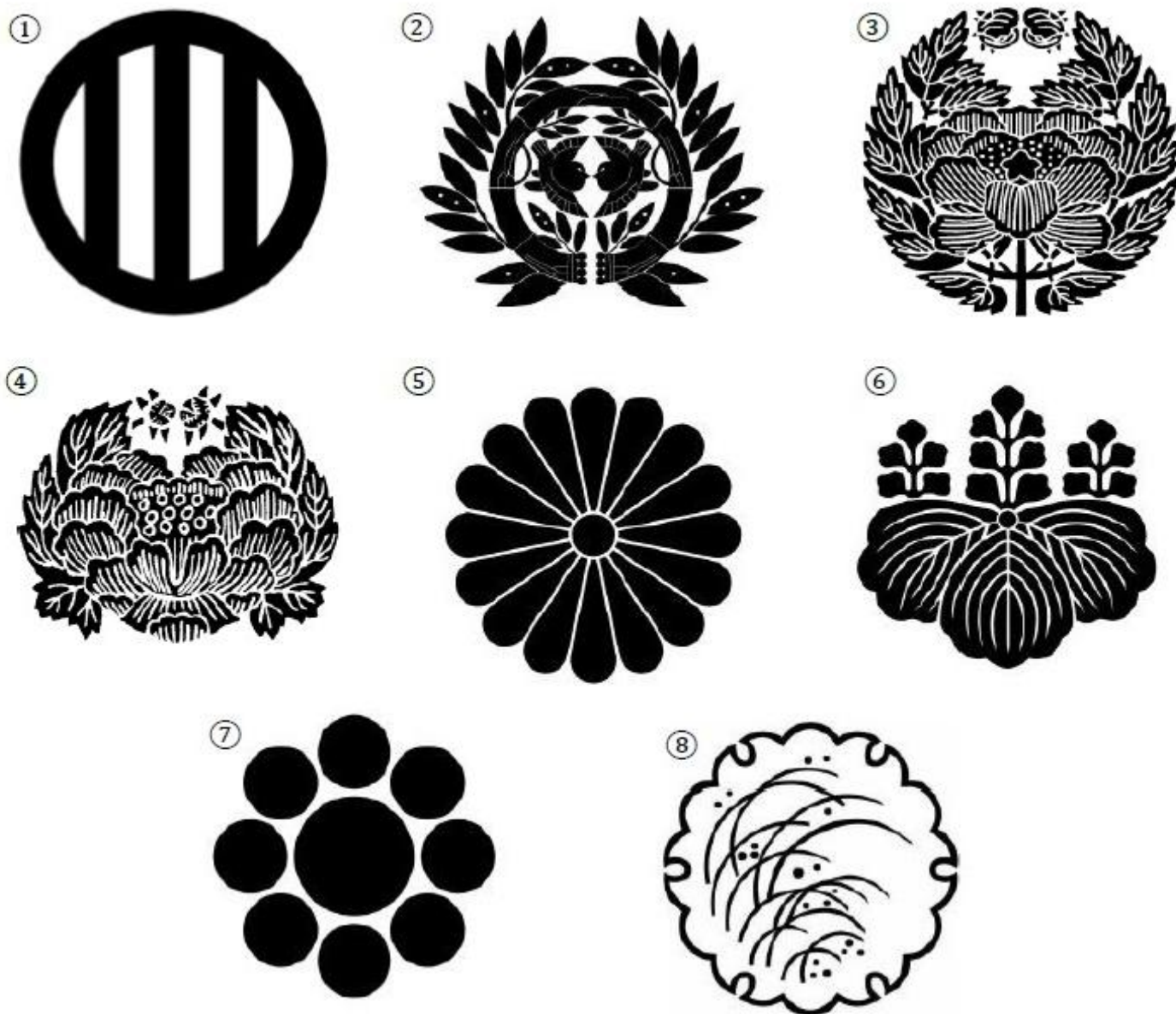

Fig. 1. Emblems of the Date clan¹⁵

1 – 三引両紋 *Mitsu hikiryō mon* (lit. "three vertical lines", fig. "three dragons"); 2 – 竹に雀紋 *Take ni suzume mon* ("sparrow in bamboo"); 3 – 近衛牡丹紋 *Konoe botan mon* ("peony of Konoe clan"); 4 – 蟹牡丹紋 *Kani botan mon* ("crab-shaped peony") or 仙台牡丹紋 *Sendai botan mon* ("peony of Sendai domain"); 5 – 菊紋 *Kiku mon* ("chrysanthemum"); 6 – 桐紋 *Kiri mon* ("paulownia"); 7 – 九曜紋 *Kuyō mon* ("nine stars"); 8 – 雪霽紋 *Yuki susuki mon* ("miscant under the snow").

Andrey V. Varenov
Novosibirsk State University, Novosibirsk.
DEMONIC DOGS OF MONGOLIAN STAG STONES
AND THEIR CHINESE COUNTERPARTS¹⁶

¹⁵ Takasawa Hitoshi, Chikano Shigeru. *Kamon no jiten* [家紋の事典. Encyclopedia of emblems. Tokyo: Tōkyōdō, 2012, pp. 231–233, 172–175, 254–255, 123–127, 132–134, 190–192, 163.

¹⁶ The paper is prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project 18-09-00557.

Stag stones (or deer stones) are vertical steles, representing highly stylized sculptures of warriors. Many steles are all covered with deer images thanks to which they gained their name. Stag stones are spread mainly in Central and Western Mongolia and in adjacent regions of Russia and China in the first half of the I millennium B.C.

One of the best known sites with stag-stones is Uushkijn-Uver in Khövsgöl Aimag (province) near Mörön city in Northern Mongolia. 15 beautiful stag-stones have been found there in 1970 by V. Volkov and E. Novgorodova. On the upper part of the stone No 15 a scene, depicting two beasts of prey devouring a horse is engraved (Fig. 3). V. Volkov and E. Novgorodova described them as feline predators, probably depending on spots, decorating their skins. But on another stag-stone No 4 from the same site one can see a pack of five such beasts chasing a horse. The archaeologists called them “spotty predators, most likely snow leopards”. They wrote: “Obviously, it is a pack of snow leopards, represented in the moment of hunting a horse, running before them”. But all feline predators (except cheetahs) never chase their prey or (except lions) hunt in groups. They prefer ambushes. Chase of prey in packs is specific for dogs and dog-like creatures.

Compositionally much the same scene as on the stag-stone No 15 from Uushkijn-Uver is depicted in Suyukou gorge of Helan Mountains in Ningxia-Hui Autonomous Region of the PRC. It shows a human figure, being torn apart (?) by two dog-like beasts (Fig. 1). The species of beasts is not very clear, but the whole scene is surrounded, like in Uushkijn-Uver, with figures of deer with beak-shaped muzzles (Fig. 2). Compositionally much the same scene is cast on the back surface of a bronze mirror, found in tomb M1612 of Shangcunling cemetery in Henan province of China (Fig. 4). It depicts two beasts, looking more like tigers, than dogs, ready to devour (or fight for) a deer (?). The mirror from Shangcunling gives a more exact date to Uushkijn-Uver and Suyukou compositions. Shangcunling was the cemetery of Guo state, which in 655 B.C. had been annexed by another state Jin. So not a single grave from Shangcunling could be later, than the mid of the VII century B.C. The majority of its graves belong to the same period – second half of the IX – the first half of the VIII centuries B.C.

But the roots of the tradition to depict two dog-like beasts, ready to tear apart their victim lie in China much deeper. The picture on a Neolithic painted pottery jar, found at Dadiwan site in Gansu province shows two dogs, ready to start a fight over a fish, lying in between them (Fig. 5). It is generally accepted that ornamental belts on Neolithic pottery of China had represented different levels of the Universe. The belt with dogs and fish on the jar from Dadiwan is limited on the top with two straight lines, so it may represent the Underworld. According to V. Evsukov, who studied ancient Chinese mythology on the materials of Neolithic painted pottery, the image of a fish had symbolized human soul. So the scene on Dadiwan jar depicted its trials in the Underworld. Rock carvings in Suyukou and Uushkijn-Uver, as well as Shangcunling mirror, could have the same meaning. The iconographical tradition had survived until the IV-III centuries B.C. and a fish between two pangolins could be seen on the heel of a tubular socket of a battle axe of Dian culture from grave 12 of Shizhaishan cemetery (Fig. 6).

Hanyong, Lee

Jeongok Prehistory Museum, Jeongok.

PRESERVATION AND UTILIZATION OF JEONGOKRI PALEOLITHIC SITE IN KOREA

Jeongok Prehistoric Museum (전곡선사박물관, 全谷先史博物館) is a site museum founded on the Jeongok-ri paleolithic sites, which re-wrote the history of world paleolithic research with the first acheulian type handaxe discovered in 1978 for the first time in East Asia. Jeongok-ri sites, located in Jeongok-ri, Jeongok-eup, Yeoncheon-gun, Gyeonggi-do, Korea has been designated as the No.268 of National Register of Historic Places, and is under the national protection. In 2005, museum construction started for permanent preservation and utilization of this Jeongok-ri paleolithic sites, and finally on April 25th 2011, Jeongok Prehistoric Museum opened.

When the awareness that ‘cultural assets are cumbersome that hinder development’ was prevailing, Jeongok-ri Paleolithic Festival began to help people understand the importance of Jeongok-ri site, and now it is celebrating its 26th anniversary. It has hardened the foundation of public archaeology and archaeology field trip for the first time in Korea, and the endless effort to communicate with the local community via the festival led to Jeongok Prehistoric Museum. The foundation of Jeongok Prehistoric Museum and various activities after its foundation are giving us lots of solutions and tasks on what roles museums should play in local communities. Acheulean Handaxe of Jeongok-ri Paleolithic sites was discovered in 1978 by an American soldier Greg Bowen stationed in Dongducheon, and was reported to domestic and international academic world by professor Kim Won Yong (김원용, 金元龍), Jung Young Hwa (정영화, 鄭永和), etc. Acheulian handaxe found in Jeongok-ri is evaluated as an extremely important artifact in world Paleolithic era research history that it provided a chance to re-think about the theory of so-called world Paleolithic era culture dualism.

But despite the prestige and importance of the Jeongok-ri historic site, only recently have we begun to get interested in the artifacts. With concentrated excavation investigation from 1979 to 1983, it attracted attention from the world, but due to many reasons like the geographic conditions (being located close to the DMZ), etc. it was left alone as if it were forgotten for about ten years after the end of excavation investigation in 1983.

Due to such circumstances, the vast area of Jeongokri site was designated as a national historic site right after the discovery of the site, there were not much social resistance then. However, as the development boom began, the social environment began to change, and people preferring development filed civil complaints to dismiss Jeongok-ri site from national historic sites. With the complaints of large damages to property rights of people living around Jeongok-ri site, the preservation environment of the Jeongok-ri site began to seriously deteriorate. To resolve the complaints of the local community that collide against preservation of artifacts, purchases of private land within the national historic site designation area, but because it was impossible to buy all the lands with poor financial status of Yeoncheon-gun, the lands had to be bought by the Cultural Heritage Administration, in other words, the government budget. However, immediate purchase of private land within the area was not so easy since, it required enormous budget to purchase vast land of 770,000m².

Along with the direct complaints regarding executing property right such as demanding the landowners to sell the private land within the designated historic area, the local community also complained about why their property rights had to be limited when the government designated Jeongok-ri historic site as national historic site, but just left it abandoned, doing nothing. In other words, the people did not understand why the Jeongok-ri historic site was left abandoned because there was not enough explanation and promotion on the value and importance of historic sites. Also in reality, the people who visited the site saw nothing but deserted field with overgrown weeds and the abandoned office building used during excavation, so had to return without any information on the Jeongok-ri site. This is why there was growing social pressure on the usage of the site.

For public relations to help people understand the value of historic site and to improve the awareness of the local people, the excavation office, which was constructed by the incentive from president Park Jung Hee when the site was first excavated, was re-built to open a small exhibit hall under the signboard ‘Jeongok Paleolithic Era Historic Site Exhibit Hall’ in 1993. To celebrate the opening of the exhibit hall and to introduce paleolith and Jeongok prehistoric artifacts, there was an opening event with the theme of experiencing archaeology such as making stone tools etc., which all later became the beginning of the Paleolithic Festival. The archaeology experience event people could not have before received heated response from participants, and these interests gathered to make it an annual event, resulting the Jeongok-ri Paleolithic Festival to be held on the Children’s day, May 5th, of each year. With the theme of various archaeology experiences, JeongokOri Paleolithic Festival attracted explosive interest from the people and as years went by, it turned out to be a more fruitful Paleolithic festival. As not only the opening of the exhibit hall, but also the Paleolithic festival purely started from private interests, gradually

expanded, naturally leading to participation of Yeonchen-gun, it became a deeply rooted festival awaiting 26th anniversary.

As escribed, Jeongok Paleolithic Festival played a very important role in the Jeongok-ri Prehistoric site being preserved as it is now. One key factor was the Paleolithic Festival with various archaeology experiences in its center, giving interest toward archaeology and understanding to Paleolithic site to many people who then did not know well about prehistoric sites. With endless efforts of the academic world and interests of many to preserve and make use of Jeongok Prehistoric site, Jeongok Prehistoric Museum opened on April 25th, 2011.

Jeongok Prehistoric Museum, constructed on the base of excavation and research achievement of Jeongok-ri paleolithic sites accumulated for decades, and on the public archaeology programs called Jeongok-ri Paleolithic Festival, is putting its own effort to be the new historic site museum where can be re-think about Preservation and utilization of the historic site in Korea.

Bibliography

Bae Kidong, 2002, Paleolithic industry in the Hantan-Imjin River, Korea's Paleolithic culture, Yonsei University Press(Korean published)

Bae Kidong, 2006, Cultural Heritage Festival as a Heritage Preservation and Utilization Method – Example of Jeongok-ri Paleolithic Festival, Journal of Museum Studies vol.10(Korean published)

Hanyong, Lee, 2016, Preservation and utilization of Prehistoric heritage on the Foreign Case Studies, International Symposium on Gosanri(JEJU) neolithic site(Korean published)

Hanyong, Lee, 2017, The heritage festival and Experience education of Archaeology assets, The 1st Conference of The Korean Public Archaeology Society(Korean published)

Hanyong, Lee, 2018, Public Archeology and Site Museum, The Symposium of Korean Archaeology(Korean published)

Hanyong, Lee, 2018, The attempt of experimental archaeology and public archeology, Journal of Korean Archaeology(Korean published)

СЕКЦИЯ 4.
КРУГЛЫЙ СТОЛ:
**"TOWARDS A PEACEFUL FUTURE - DISCUSSION OF THE
CONTEMPORARY CRITICAL ISSUES"¹**

- **Alfred Gerstl** (*AIES, Vienna*). Chinese dreams and Southern Asian realities.
- **Pyotr E. Podalko** (*Aoyama Gakuin University, Tokyo*) Gender problems in modern Japan.
- **Albert van Wijngaarden** (*NSU, Novosibirsk, Russia*). On the necessity of cultural translation: the example of international news media coverage of India.

¹The organizing committee will publish a summary for the discussions on the 26th of October at the website of the conference.